

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ДМИТРИЙ МАНАСЫПОВ
ДОРОГА СТАЛИ И НАДЕЖДЫ

FUTURE CORP.

Дмитрий Юрьевич Манасыпов
Дорога стали и надежды
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»
Серия «Метро 2033: Дорога
стали и надежды», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6997881

Дмитрий Манасыпов. Метро 2033. Дорога стали и надежды: АСТ;

Москва; 2014

ISBN 978-5-17-084652-8

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

От зыбкого марева Рубежа у Самары, от города, стоящего на берегу Белой реки, от выжженных оренбургских степей... Километры пути по полумертвому миру, пути, ведущего в город без радости. У каждого своя цель, у каждого своя дорога. И от того, как идти по ней, зависит то, какой она станет. Но в мире, полном крови и ненависти, нельзя пройти свой путь и остаться незапятнанным. И дорога меняет каждого, оставляя шрамы на теле и рубцы в душе. Сложно не сломаться под напором обстоятельств, не согнуться под хлесткими ударами ветра судьбы. Но лишь пройдя испытание странствием, можно понять, кто ты и для чего ты здесь. Какие бы преграды ни возникали на пути, преодолевать их нужно с честью. И, может быть, тогда в конце дороги стали получится разглядеть зыбкий мираж надежды.

Содержание

Два вопроса современности	6
Пролог	9
Глава 1	16
Глава 2	62
Глава 3	105
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Дмитрий Манасыпов

Дорога стали и надежды

*Не говори, что ты слишком устал.
Не говори, что ты уже опоздал.
Ведь к цели движется тот,
Кто хотя бы ползет.
Не говори, что ты остался один.
Зато теперь – ты сам себе командир!*

«Не говори», Черный Обелиск

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Два вопроса современности

Докладная записка

Вячеслава Бакулина

В начале апреля многие задаются вопросами. Совершенно разными. Например, будет ли в этом году весна? Или что принесет России воссоединение с Крымом? Или действительно ли у меня спина белая, либо это все-таки первоапрельская шутка? Хотя, конечно, все прогрессивное человечество куда больше заботит, что же дальше будет написано на корешках книг нашей серии после «Вселенная Метро 2033. Проект Дмитрия Глуховского». Интересно это и мне. Ведь, что ни говори, завершение этой фразы – своеобразная веха. Сорок восемь книг. Очень разных. Порой спорных. Порой даже провокационных. Но совершенно точно – интересных. А дальше?

Разумеется, «Вселенная» не останавливается на достигнутом. Есть еще города и метрополитены, над которыми мы не водрузили свои флаги, есть нерасказанные истории, есть талантливые авторы, но главное – есть вы, наши дорогие читатели. Значит, останавливаться рано. А продолжение фразы... дерзайте! Кто знает, может, именно предложенный нами вариант окажется самым лучшим, и вы впишете новую страницу в летопись?

Но я недаром назвал свою докладную именно так, как назвал. Потому что второй вопрос – гораздо менее конкретный и более философский – занимает меня уже давно. И не только меня, как мне кажется. Как и положено философскому вопросу, однозначный ответ на него вряд ли возможен, поэтому я просто предлагаю подумать вместе. Ведь со времен Декарта ничего не изменилось, и его знаменитое *cogito, ergo sum* по-прежнему актуально.

А вопрос заключается вот в чем: случись все, придуманное когда-то Дмитрием Глуховским, на самом деле, кому окажется лучше – тем, кто застал прежний мир, или рожденным уже в мире новом? Заметьте, я намеренно написал «лучше», а не «хуже». Просто потому, что негатива в постапокалипсисе и без того достаточно, а память порой – едва ли не самое драгоценное, что есть у человека. Впрочем, кто-то считает (и не без причин), что она же – один из главных источников боли. Особенно память о чем-то или ком-то дорогом, важном, и при этом – утраченном навсегда. Или память о совершенной ошибке, которую можно попытаться исправить, но невозможно отменить. Отмотать все назад, словно в компьютерной игре, и начать заново с места сохранения. Равно как невозможно и заставить себя забыть что-либо по собственному желанию. Конечно, время может стереть детали, может сгладить остроту переживаний, но даже оно не способно полностью отменить воспоминания. Такие сладкие и горькие воспоминания. То, что останется с человеком на-

всегда. То, что и составляет его личность. Стало быть, равно справедливо и другое высказывание – «Я помню, следовательно, существую».

А уж считать ли себя счастливым из-за этого, каждый решит сам...

Пролог

Немного раньше

За окнами, в темноте, грязи и ветре, кралась смерть, пока еще неторопливо и почти неслышно. Аня всхлипнула, крепче прижав к себе скулящую Леночку, стиснула в мокрой ладони кочергу. Там, в черноте, еле заметно бродили ужас и боль.

Дождь хлестал по окнам, барабанил, бил сильными тугими потоками. Стекла для них ее Мишка искал повсюду, порой пропадая по полдня. Стекла... Он захотел их сразу же после того, как они обустроились и подлатали хорошо сохранившийся домик. «Чтобы солнце внутри, чтобы золотом по нашей жизни-то... – Мишка довольно усмехался в редкие рыжие усы, – и нам радость, и Леночке».

Леночка, дочурка, их славная малышка, очень любила редких блескучих зайчиков, порой пробивавшихся через серую хмарь неба. Гонялась за ними по мягко мяукающим старым половицам, хватала ручонками. Мишка хохотал, глядя на нее, и даже переставал хмуриться. Аня смотрела на него, такого неожиданно родного и близкого, и тихо радовалась.

Хмурился-то он частенько, не отнять. Но в последнее время, как только по полотну железки в Чишмы добралась первая дрезина из Уфы... От правой брови вверх залегла глубоко-

кая кривая складка. Ведь сразу же, стоило наладить сообщение, до села добрались санитары. Но ведь Мишка не отступал. Никогда и ни за что.

Переживать было с чего. Уйти из пусть и не особо сытой, но хотя бы безопасной Новой Уфы долго не решались, хотя спокойствию, вместе с относительным достатком, медленно, но верно приходил конец. Осмотр у врача в пять лет обязателен для всех. Аня плакала, гладила дочку по мягкой спинке, боялась каждого шороха. Мишка хмурился, вылез вон из кожи, наскреб всякого добра для меня, хозяйства и житья на первое время, и они ушли.

Торговцы, шедшие большим караваном к западу, довели семью с собой до того самого села, куда ушел Мишкин дядя. Письмо от него, написанное между строк на двух листках какой-то насквозь пожелтевшей книжки, принес с собой уставший паренек-челнок, Марат, постоянно мотавшийся между Чишмами и Демой. Получил за весточку кусок круто соленого сала, вздохнул, пожал плечами и пошел. Мишка даже улыбнулся, глядя на него, и долго объяснял Ане, что и кому нельзя употреблять и почему все-таки можно, если под крышей.

Неделя на ногах, подталкивание увязающих в весенней грязи тачек и тележек с товаром. Сырая и едкая вонь немытого тела, затянутого вытертой «химзой», чавкающая липкая земля на стареньких резиновых чулках. Усталость, усталость и усталость. Леночку она несла на спине, закутав в ды-

ржавый ОЗК, что Мишка сшил леской и кое-где, расплавив материал, слепил края пробоин от пуль, когтей и времени. Запотевшие стекла противогазов, хрип соседки, спина мужа, тащившего в качестве оплаты старинную швейную машинку на чугунной станине. Но они добрались.

Так семья оказалась в Чишмах, большом и крепком селе, вставшем на ноги одним из первых. Жизнь брала свое, тем более за последние пять лет фон стал не таким уж и сильным. Здесь противогазы не носили, и погреба давно превратились именно в погреба. В городе да, в городе хватало, пусть и зацепило его, стоящего над Белой рекой, не так уж сильно. Били рядом, в Оренбуржье, били и по республике, по каким-то частям 2-ой армии. Но все же Уфу только зацепили, оставив людям шанс. Говорили, что дальше к Уралу леса бывшего заповедника накрыло густо и что жить там нельзя совершенно.

Ане было наплевать на многое, ее мало интересовало происходящее у Белорецка, Сибая или Учалов. Родившаяся на третий год после Войны и выросшая с теткой, девушка просто хотела жить. С мужем, старше ее в два раза и с дочкой, которую теперь не осмотрит ни один врач. То, что у нее под платицем растет светлая шелковистая шерстка, не мешало ни Мишке, ни ей самой любить Леночку больше жизни. Но первая дрезина оказалась не последней, и им снова предстояло уходить, предстояло, пока...

За окном зашуршали, треснула кучка растопки у стены. Аня затряслась, застучала зубами. Дождь ударил сильнее,

стекло уже заметно дрогнуло под напором. Любовно вырезанное стекло, вставленное ее мужем и не закрытое тяжелыми ставнями. Пальцы до хруста вцепились в кочергу, крюк еле слышно скрипнул по дереву, когда Аня потянула ее к себе. Дура, клятая дура, чокнутая тупая дура! Как можно было забыть закрыть ставни?! Миша, Ми-и-и-ш-а-а...

Дядька мужа их не дождался: неожиданно умер, погиб на охоте, упокоившись в земле спокойных и относительно сытых Чишмов. Так сказали соседи, немногочисленные и угрюмые. На все вопросы Мишки никто так и не ответил ничего путного. Домик, старенький пятистенок, им отдали без споров. Муж обрадовался, хмурился куда меньше обычного и сразу же взялся за хозяйство. На Леночку, весело копошащуюся во дворе с пятилапой Жучкой, соседи не обращали никакого внимания. Чуть позже, познакомившись с жизнью села и самими односельчанами, Аня поняла причину: здесь хватало тех, кого в Новой Уфе СБ отправляла за колючую проволоку, заставляя непосильным трудом искупать мутации, уродства и отличия от «нормальных» людей.

Аня и Мишка радовались, жизнь налаживалась, и даже три крольчихи, обмененные на несколько хороших лопат и сапоги-болотники, готовились дать первое потомство. Чишмы славились заново выведенными животными, оставившими от поражения радиацией только большой вес и густющий мех. К мясу кроли оказались совершенно равнодушными, в отличие от mnogой другой домашней скотины. Почему им

так легко уступили дом, не разваливающийся по бревнышку, со всего несколькими прорехами в дранке на крыше и пристроен, беглецы не задумывались. До сегодняшней ночи.

Услышав пронзительный кроличий крик, не писк, а крик, почти детский, Мишка не понесся сломя голову к клеткам. Мясо мясом, шерсть шерстью, жизнь дороже. Ему в караулы у села ходить доводилось, и пусть в округе все казалось тихим, муж рисковать не хотел. Аня сжала в руках мокрую дочку, закрыла ей уши и вздрогнула, проследив взгляд Мишки.

Вечером он натаскал воды, нагрел ее в печи и начал купать Леночку в недавно запаянном большом корыте. И, увлекшись хохочущей и довольной дочкой, забыл сам закрыть ставни. И Аня, стиравшая весь день, забегалась и забыла. А свет от нескольких лучин дрожал и дрожал от сквозняка, бросая блики на стекла незакрытых окон. Первым влетело внутрь дома окно, выходящее во двор. Мишка успел втолкнуть Аню с дочерью в комнату, грохнул дверью. Сдвинуть в сторону стол и открыть подпол не успел.

Сундук, тяжеленный, стоящий у стены, поддаваться не хотел. Аня уперлась ногой, толкнула его вперед. В спине щелкнуло, разлилось горячей сухой болью, и тут же, пусть и слабее, отозвалось в руке. Она моргнула и в полутьме, совершенно спокойно, проследила взглядом сорванный, упавший на пол ноготь. Сундук, скрипнув сразу несколькими половицами, пошел вперед, надежно придавив дверь. Леночка плакала, глядя блестящими глазенками на мокрую от пота мать,

а та...

Она услышала его крик, резанувший по ушам, поднимающийся вверх, дикий, рвущийся из груди ее сильного мужа, никого не боявшегося, способного выйти одному на трех противников. К крику добавилось, чуть позже, довольное сопение и влажные хлюпающие звуки, какой-то непонятный треск, заставивший ее задрожать сильнее.

Дверь мягко толкнули, навалились, недовольно зафыркал кто-то, забормотал срывающимся безумным шепотом. Аня прижала к себе скулящую Леночку, потянулась за кочергой, незаметно для нее брошенной вслед в комнату Мишкой. Ее уже бывшим Мишкой. Тишина наступила чуть позже. И ненадолго.

Дождь все так же продолжал хлестать по открытым стеклам, барабанил по крыше, звенел по металлу козырьков и ржавой печной трубы. А за окном, слышимые через него, ходили те, кто только что бормотал и чавкал за стеной. Среди черноты и сырости, жирной липкой грязи и совершенно мокрой растопки.

– Мама? – пискнула Леночка, прижавшись к ней ближе. За окном что-то шевельнулось, прижалось бледным кругляшом, глянуло провалами глаз. Тяжелая кованая кочерга легла в руку легко, неожиданно удобно и привычно. Стекло вылетело чуть позже, запустив внутрь запах земли, воды, льющейся с непроглядно серого неба, и гнили.

Аня дико крикнула, боясь не успеть, оттолкнула дочку,

ударила коротко, без замаха. Много ли надо маленькой девочке? Ее собственная смерть пришла к ней секундой позже и оказалась куда страшнее и больней.

Глава 1

Из объятий ночного кошмара

Башкортостан, Новоуфимская Коммунистическая Республика, присоединенное село Чишмы (координаты: 54°35'38" с. ш., 55°23'42" в. д.), 2033 г. от РХ

– Ты ошибся.

– Э? Что ты сказал?

Солнце, выглянувшее утром, спряталось. Осень, только-только наступившая по календарю, решила наступить и в жизни. Зелень, оставшаяся в округе, разом перецвела, решив стать золотисто-желтой охрой, паутинно-блеклой серостью и редкими всполохами алого бархата. Даже стало жаль лета, убежавшего торопливо, как конокрад. И пусть маска с зеркальными очками уже успела натереть кожу за теплые месяцы, но ведь жаль...

– Я тебя спрашиваю, малай.

Азамат вздохнул. Все, как всегда.

Если ты выше, шире в плечах и явно тяжелее, то, само собой, прямо-таки должен оказаться сильнее. Особенно когда напротив тебя стоит не крепкий мужчина, а так себе, почти мальчишка. А мальчишка этот выглядит и впрямь как малай: невысокий, худощавый, даже усы с бородой нормаль-

но не растут. Как себя вести, если ты сам не особо добрый, зато большой и крепкий? То-то и оно, что как обычно.

– Ты ошибся, – он повторил это спокойно и ровно, как для дебила. – Малай у тебя в штанах. Меня зовут Азамат. Для друзей. Для остальных – просто Пуля.

Здоровяк крикнул, начав медленно и картинно отводить правую руку. Двое его друзей, стоявших по бокам, гыгыкнули и чуть отодвинулись. Их явно ожидала для начала потеха, а потом еще и легкая пожива в виде барахла вот этого самого малорослого дурачка. Не вышло. Пока, во всяком случае.

Дом, срубленный из ставших серыми бревен, выглядел крепким, наверное, когда солнце стояло высоко, даже красивым. Не так давно кто-то выкрасил наличники, ставни и дверь зеленой краской, не успевшей выцвести, обтереться и взбухнуть пузырями. Сейчас краска, как ни странно, тоже казалась блеклой, как и все вокруг. Осенняя пора, одним словом, чего-то там очарованье.

Мало ли, вдруг вот эти трое, всего-навсего, встав с утра, неожиданно затосковали именно из-за нее: впереди зима, с ее морозами, снегом по пояс, холодом в домах, постоянной нехваткой дров и зверьем, прущим к жилью. И, не приведи всевышний, голодом. А тут Азамат, со своими лошаденками и каким-никаким, а скарбом. Так что в чем-то он их понимал. Вот только соглашаться не спешил. Уж тем более, если в качестве аргумента хотят использовать кулаки: и так хватает вокруг чего угодно, что успешно испортит настроение.

Тук-тук-тук. По ржавому ведру, смятому в середине, с дырками, с оставшейся третью кругляша доньшка, начала барабанить дробь начавшегося дождя. Стало влажно, разом на куртку и брюки осела мелкая морось. Где-то в леске, неподалеку, тоскливо каркала ворона. Трава, из радостно изумрудной утром, превратилась во что-то враждебное, шелестящее отяжелевшими перьями, что-то, казалось, щепчущими друг другу. Хотя нет, звук и правда был, и шел он, зло урчащий, именно из травы.

Из нее, высоченной, по колено даже драчуну, зашипело и фыркнуло. Чуть позже на растерявшегося здоровяка вылетело что-то большое, мохнатое и дико завывающее. Приземлилось серое в полоску ядро прямо на синюю фуфайку, туго обтягивающую выпуклую грудь. Здоровяк тонко, по-девчачьи закричал и замахал ручищами, полетела рыжая вата, куски шерстяной рубахи, кровь.

Друзья синефуфаечного изменились в лице и собрались задать деру. Азамат им этого не разрешил, прыжком оказавшись рядом. Камча, пусть и короткая, свистнула, рубанув первого по ногам, мужик заорал, повалился головой вперед. Второго, явно решившегося все же побороться, приголубила рукоять плети, украшенная солидным металлическим шаром. Череп гулко отозвался, войдя в контакт с камчой, глаза у деревенского ухаля сошлись к переносице, и он провалился куда-то внутрь себя, глубоко и надолго. Бежавший первым вскочил, развернувшись к Азамату, пальцы судорожно

зашарили у пояса, стараясь достать нож. Чуть позже ошалевшие глаза повернулись в сторону уже затихшего шипения и рева, и мужик замер, уставившись на Саблезуба.

Кот сидел на задире и явно не верил в жизнь вокруг и себя в ней. Закатившиеся глаза уставились куда-то в глубь низкого серого неба, руки чуть заметно подрагивали. В целом же здоровяк старательно не шевелился. И немудрено – Саблезуб весил почти как годовалый алабай, но казался куда страшнее, особенно вблизи, нагло развалившись прямо на разодранной фуфайке и облизывая лапу. Заднюю, у самого ее начала и все остальное, находящееся рядом. Красный язык так и мелькал меж длиннющих верхних клыков.

– Никуда не уходи. – Азамат пнул друга драчуна в голень. Мужик зашипел и сел, свернувшись клубком. – Удирать вздумаешь, дурья голова, кота на тебя спущу.

Третий так и валялся в траве, лишь начал чуть шевелиться. На макушке, поближе ко лбу, взбух немалый желвак. Грудь чуть заметно приподнималась – живой, и ладно. Азамат хмыкнул, повернулся к лошадям. Те мирно стояли, стреноженные и даже не думали попытаться распутаться. Серая, как мышь, кобылка так вообще тихо и мирно хрустела сушеной рыбой в торбе. Жеребчик, весь путь горячившийся, нервничал: косился на Азамата покрасневшим глазом, переминался с ноги на ногу, рыхлил острыми копытами землю, скалил подпиленные зубищи. Хвост, короткий, жесткий, так и мелькал, монотонно ударяясь по буланым бокам. Ших-

шлеп, ши-и-их – шлеп.

– Но, но, тсс-с-с, голуба, тиха-тиха. – Азамат подошел, крепко взял за уздечку, потрепал коня, погладил. – Успокойся.

Со стороны тына, огораживающего село, торопливо катились две таратайки. Подпрыгивала на разнокалиберных толстых колесах от какой-то серьезной легковушки, латаных-перелатаных, двуколка-эгоистка. Дядьки в ней, одетые в пыльники, само собой тоже подпрыгивали, осторожно держа в руках ружья. В телеге, сколоченной кривовато и неумело, гуртом сидело человек семь с кольями, вилами и прочим нехитрым инвентарем. Азамат справедливо заподозрил, что все это сельскохозяйственное железо направлено явно в его сторону, а не прихвачено для какой-нибудь неожиданной работы в поле. Да и не сезон уже, осень вступила в свои права.

Но если чутье его не подвело, куда важнее казалась троица верховых, опередивших группу товарищей-колхозников и уж совершенно явно направляющаяся в сторону небольшого побоища. Вот эти беспокоили.

Двое походили друг на друга, как яйца одной вороны: удобные короткие куртки, серые, с капюшонами, кустарные, хотя и удобные разгрузки, что-то вроде «семьдесят четвертых» АК за спиной. Знакомые типажи, косточка войны, наемные солдаты. Интереснее выглядел первый, явно главный, до него-то уже практически рукой подать.

Коняга у него оказался хороший, справный такой жеребец

– высокий, сильный, без заметных глаз изменений. Азамат был готов поспорить на патрон, что порода тут есть, как и относительная чистота. У его же кобылки на голове пялились на мир, прячась под жесткой щеткой гривы, по два дополнительных глазка с каждой стороны, недоразвитых и слепых. Жеребчик порой не просто екал изнутри, нет – буланый явно родился с дополнительным комплектом каких-то там органов, недаром такой живчик, да и выносливости не занимать. Ну а то, что зубы у коняшек, как у собак стали, так жизнь такая: не ты кого-то сожрешь, так тебя съедят.

Кожанка старая и потертая, но очень хорошо пошита. Вместо обычных, хрен пойми из каких заглазников камуфлированных штанов, на дядьке красовались настоящие брюки для езды, сшитые прямо по фигуре и все такое. Азамат, много времени проводивший в седле, даже издали оценил и кожаные шлеи, и добротное сукно оливкового оттенка. Ремни португали оттягивались с обеих сторон, и если кобура с чем-то заводским сразу бросалась в глаза, то вот с левой стороны вполне могло болтаться что-то из серьезного холодного оружия.

Голову первый ничем не прикрывал, лишь подтвердив и показания дозиметра, и слухи: в Чишмах оказалось по-настоящему чисто. То-то дядька так вольно подставлял сильное, чеканной рубки лицо свежему ветру, трепавшему заодно и черные, с еле заметной проседью, густые непокорные кудри. И к этому времени Азамату стало ясно – кто так уве-

ренно скачет в его сторону.

Стальной Ильяс, один из лидеров южных сепаратистов республики, бывший лидер и бывший комендант Мелеуза и Кумертау, разом решивший исход войны пятилетней давности, ударив по совершенно озверевшему основному крылу врагов Новоуфимки. Азамат слышал о нем, сейчас обретавшимся именно здесь, но не думал увидеть легенду так запросто, особенно в складывающейся прямо на глазах ситуации, не особо положительной. Хотя переживать пока еще не стоило.

– Салам. – Ильяс остановился, прыжком оказавшись на земле и придерживая самую настоящую шашку, висевшую слева. Тем временем оба его бойца проехали чуть дальше, взяв под присмотр открытый участок. На валяющихся односельчан и Саблезуба, немедленно вздыбившего шерсть, ни один не обратил внимания. – Я Ильяс.

– Салам. – Азамат дождался протянутой руки от старшего, пожал. Силы в ладони у немолодого человека, стоявшего напротив, хватало. – Я Азамат. К другу приехал.

– К другу, говоришь? – Ильяс кивнул на жертв драки. – С этими-то ухарями что не поделил?

– Ну... вещи.

– Свои, да? – хозяин села неодобрительно поцокал. – И ведь просил тебя Степа, так?

Говорил он, кроме приветствия, полностью на русском. Здесь этому придавали большое значение – народ стекал-

ся со всех сторон, разный, что по крови, что по характеру, язык, общий для всех и знакомый, как и родные татарский, башкирский или чувашский, с детства, объединял. Стальной Ильяс, видно, очень крепко уважал всех, живущих в Чишмах. Иначе разве стал бы при односельчанах, пусть пойманных на грабеже, говорить с чужаком не по-татарски или башкирски?

– Сволочи. – Ильяс сплюнул, ударил по голенищу сапога плетью, такой же камчой, как и у Азамата. – Ответите.

Единственный из троих, что мог шевелиться, торопливо закивал головой.

– Я так и понял, что ты не просто проездом, – повторил Ильяс. – Как там его... к Мише приехал?

– К Мише. – Азамат показал в сторону домика, где успел побывать перед тем, как встретился со Степой и его товарищами. – Недавно?

– Да. Позавчера ночью. Хороший друг был?

– Единственный. – Азамат пожал плечами. Внутри стало разом больнее. Поправил сам себя. – Последний. А семья?

– Всех. – Ильяс покачал головой. – На отшибе же жили, ночью никто не решился выйти. Меня не было, санитары...

– Санитары чистили коровник, как же еще? – Азамат скрипнул зубами. Когда Мишку, помогавшего ему с самого малолетства в учебке, убивали, когда убивали его жену с дочкой... санитары, вооруженные до зубов, не спешили помочь. – Мутанты напали?

– Да. – Ильяс сплюнул. – Да и не только на них.

– Не только? – Азамат удивился.

Ильяс снова сплюнул, под смуглой кожей выступили желваки. Все немного прояснялось на глазах, если Азамат думал верно: таких домов в округе явно хватало и про приходящих ночью в селе знали. Но не говорили вновь прибывшим поселенцам, молчали, отдавая людей в жертву.

– У меня две трети отряда стоят вдоль железки. – Ильяс смотрел в сторону. Камча нервно била по голенищу. – Еле хватает, чтобы вон тех вывозить в поля, за скотиной следить и по лескам вокруг хотя бы какие секреты выставлять.

«Вон те», загруженные в телегу и двуколку, уже скрылись за поворотом. Азамат снова пожал плечами. Это не его дело, уважать правила местных, где бы он ни оказывался, приучила жизнь.

– Но их не особо много, как понимаю?

– Нет. – Ильяс поиграл желваками. – Раз-два в месяц появляются, не чаще. Санитарам сказали, а они...

– А они давай мутантов среди жителей искать, да? – Азамат хмыкнул. Картина оказалась знакомой. – Ладно. Я убью этих тварей.

– Один?

– Справлюсь. Кое-какая помощь потребуется, но попробую сам.

– Отдохнуть, поесть, в баню сходить?

– Сперва дело. Мне надо еще раз зайти в дом. Тела со-

жгли?

– Да. Это... – Ильяс не стал мяться и ходить вокруг да около. – Много заплатить не смогу. Чем возьмешь? Есть кожа, мех, шерсть, патроны тоже есть. Могу новой одеждой и обувью отдать.

– Мне за друга рассчитаться надо... не стоит про это. Пойду в дом, огляжусь, потом скажу, что да как.

– Мутант твой, он вообще как? И кто?

– Драться не станет, спокойный он у меня. Лошадок посторожит. А кто? Да кот... просто большой.

Когда Пуля вышел из дома, драчунов уже не было. Ильяс, оседлавший не особо трухлявый пень, ждал у костерка, разожженного из наломанных досок невысокого заборчика. Один из охранников торчал тут же, засев в кроне кривого карагача, заверченного безжалостной природой в штопор. Где шлялся его напарник, Азамата не интересовало. Саблезуб, спящий на земле возле лошадей, встрепенулся, глянул ленивым желтым глазом с двумя зрачками.

– Ребенку-то года четыре, не меньше? Я ее и не видел, да и жену Мишину плохо знал.

Ильяс убрал струганую палочку, сплюнул чем-то, вытасненным из зубов:

– Пять, девочка. Мутант.

– Это не имеет никакого значения. – Азамат сел рядом, сняв с кобылки седло и бросив на землю. – То, в смысле, что

она мутант. Возраст играет роль. Дема недалеко течет?

– Напрямки, вон через тот лесок, минут двадцать хода. А что?

– Так... – Азамат глянул на часы, свой драгоценный «По-лет». – Время уже обед, часов через пять стемнеет?

– Чуть больше.

– Лошадей моих отведите в село. Я прогуляюсь, огляжусь. Тела погрызли, подрали, выпотрошили, но вы их нашли почти целыми?

Ильяс кивнул. К чему клонил парень с замашками хорошего бойца, он пока не понимал.

– Ну да. У женщины... ее, в общем, сильнее всего раздели. А причем тут девчонкин возраст?

– Она живая. Пока еще, возможно, живая.

– Пят'як! – Ильяс сплюнул. – Откуда знаешь?

Откуда...

Азамат не ответил. Снял с кобылки рюкзак-«эрдэшку», повесил за спину. Противогаз на левом боку, обрез на правом и патронташ между ними. Дозиметр, отлаженный умельцами в Деме, упрятал в чехол за спиной. Ильяс молчал, не дожидаясь ответа, смотрел на приготовления. Небольшой топорик тоже на пояс, нож за голенище сапога, большой – в ножны у противогаза. Парень собирался споро, выверенными движениями. Пуля не смотрел в сторону хозяина села, прокачивал в голове увиденное внутри домика.

Тела сожгли, не дождавшись его, это понятно. Единствен-

ное, на что хватило санитаров, приехавших сразу же по присоединении села к республике. Нет, где-то эти парни поступали очень умело и верно, но чем больше подминала окрестности Новая Уфа, тем меньше становилось профессионалов: многие погибали быстро, кто-то оставался калекой. Ему, Азамату, как и Мишке, предлагали вступить несколько раз. Отказались. А вот и результат, ни Мишки, ни его жены Ани, ни... дочери. Хотя кто знает, что было бы, стань другом санитаром и родись потом такая вот девочка.

В округе не так много хищных мутантов, как еще недавно, но и этих хватает. Сторожить тела никто бы не взялся, да и зачем? А оставь на ночь, так мало ли кого притянет пролитая недавно кровь. Уж точно мелких хищников вроде ласок или хорьков, хотя ведь уже ясно – дело не только в них. В селе закрывали глаза на многое, молчали, прятали тайну от чужаков, платили жизнями других за свое собственное спокойствие.

Нацепил перчатки из толстой кожи, зубами затянул ремешки на запястьях. Мало ли, пусть на дворе и день, но от ночных хищников много чего следует ожидать, если драться, так лучше бы поменьше царапин. Столбняк, он разницы не знает, убивает всех одинаково быстро.

Азамат покосился на Ильяса, недовольно сопящего рядом, на пенке. А что Ильяс? Хороший хозяин, держащий в строгости очень редкий островок хотя бы какого-то спокойствия, достатка и тепла. Упрекать его? Глупости.

Хотя... Азамат отогнал глупую мысль, поморщился и достал укладку с патронами. Следовало заменить те, что довольно долго таскал неиспользованными в патронташе. Хотя и в укладке оказались ранее ношенные, чуть не утонувшие в Кутулуке и Кондурче, а значит... А значит, что с боеприпасами еще хуже, чем ожидал, – если годны к стрельбе штук пять, так и то хлеб.

Ильяс встал и отошел в сторону. Нервничает, если не злится. Человек, что говорить, совесть-то гложет изнутри. Мужик да баба, вроде бы и черт с ними, а вот девчонка? Азамат вспомнил затерханную тряпичную куклу, валявшуюся в дальнем от двери углу: если бы не густая корка из крови и прилипших прядей волос, вряд ли кто просто так оставил бы ее с утра. Не то время, чтобы брезговать какой-никакой, а игрушкой для детей. Но не взяли.

Потому что стыдно стало. Потому что запах страха и ужаса погибших едко бил в нос даже сейчас, спустя двое суток, воняло бойней, невымытыми кишками и болью. Особенно там, где убили хозяина, судя по одинокому старому сапогу, так никем и не убранному. Перед смертью тот обделался. Пуля знавал многих, кто завертел бы носом от такого утверждения, правду готовы принять не многие. Рассматривая щепки и сколы на размочаленных бревнах, сделанные обычным топориком, Пуля понял немного. Но хватило, особенно после исследования самого топора.

Мишка в последние секунды сражался отчаянно, стараясь

спасти не себя, семью, и смог ударом выщербленного временем лезвия проломить кому-то голову. Не струсил, бился до последнего. А обделался? Пуля не хотел бы ощутить когда-нибудь его боль.

И спасибо другу, вколотившему старое железо так глубоко – на металле Азамат нашел, что искал. Щепкой скovyрнул воняющий и все еще вязкий сгусток, понюхал, присмотрелся. Ответ пришел сразу, едва дерево коснулось все еще податливого куска мозга, прилипшего к выщербине на лезвии. Ну, у кого столько жидкости внутри, что за два дня останки так и не высохли? В мутантах ему волей-неволей пришлось научиться разбираться. И все остальное сразу стало простым.

Тела внутри сруба нашлись сразу, почти целые, и следов крови оказалось достаточно. Людей ведь пришли не просто убить и съесть. Хотели бы есть – утащили бы с собой, припрятали до поры до времени и сожрали бы позже. У убитых ночные гости забрали и унесли кое-что нужное, только не им самим. Нападавшим не хватило ума забрать мясо про запас, зато они выполнили приказ хозяина. Или хозяйки. Печень, селезенки, сердца, взятые у двух взрослых людей, и девочка, вероятнее всего мутант – кое-кому этого запаса хватит надолго.

– Река, ты говорил, вон там?

– Нет, я говорил не про нее. Там старица. – Ильяс повернулся к нему. – А что?

– Это не звери.

– Мутанты, кто ж еще-то? – каменное лицо нахмурилось, хозяин начал выплескивать гнев. – У нас сейчас еще кто-то в округе есть?

– Лошади вон, коровы у вас в селе, кролики. – Азамат закончил готовиться. – Это не простое изменившееся из-за мутаций зверье. Сколько раз за последние несколько месяцев люди пропадали?

Ильяс скривил губы, глянул на него зло и растерянно.

– Из наших не так и много.

– Сколько и когда началось?

Тот помолчал, задумавшись, но не долго.

– С весны пропало человек десять, наверное. Трое из новеньких, что приехали и поселились за стеной. Остальные проходили мимо, шли дальше, и не добирались вроде как. Да и так... находили следы, кровь...

– Чего ж вы молчали-то так долго? – Азамат сплюнул. – С весны... надо же.

– Что у нас тут творится?

– Водяные у вас тут творятся. А раз речка рядом, и она соединяется с основным руслом, так навья у вас, самая мерзкая, водяная. Молодая, скорее всего. Была бы старая, давно бы себя показала.

– Кто?!!

– Увидишь, если всевышний позволит. Лошадей моих отведите в село, сам приду часа через три. Если не вернусь до

утра, общите все вокруг, там, где меня найдете, поставьте вешку. А там пиши письма в Новую Уфу, в СБ, что ли... только сами суйтесь туда не меньше, чем впятером. Пошли, друг, пошли.

Саблезуб лениво встал, очень лениво потянулся и совершенно лениво растянул пасть в дико ленивой, зевающей усмешке-оскале. Клыки у кота желтели, блестя слюной на фоне черного неба. Ильяс ощутимо вздрогнул.

Пуля не побрезговал взять куколку, не до брезгливости сейчас. Протянул Саблезубу, кот заинтересованно начал нюхать. С ним отыскать след окажется проще, если, конечно, что осталось, все-таки дождь, два дня прошло, куча местных, размесивших землю в грязь на полкилометра вокруг. Но кот не подвел, пошел, мягко подпрыгивая, в сторону леска.

* * *

Оренбуржье, бывш. Донгузский полигон, Орден Возрождения (координаты засекречены), 2033 г. от РХ

Кирилка пришел в себя разом, вот-вот только спал и... И вынырнул из неглубокого кошмара. Утренний холод, смешавшийся с ночной привычной сыростью, пробрал до костей. Зубы выбивали дробь, левую ногу свело судорогой. Рядом тихонько шевелился Костя, скрипел уцелевшей левой стороной рта, судорожно тер грудь и сопел перебитым но-

сом. Грудной и глубокий кашель мучил его дней пять, сосед частенько опасливо косился на слюну, сплевывая в ладонь. В ночь заступил рябой вертухай, имевший привычку злиться с утра по любой причине. Костю невзлюбил давно, сразу же по прибытии, и частенько срывал на рабе злость, цепляясь за любую провинность. За кашель мог запросто огреть дубинкой и добавить сапожищами.

Люди в корпусе просыпались. Замерзли все, но старались не шуметь. Лежали, кряхтели, всхлипывали и шмыгали забитыми носами, почесывались и попердывали. Несмотря на блестящую замерзшими потеками парашу в углу, воняло знатно. Портянки, носки и чулки никто, ясное дело, не менял, стирали их, как могли, оборачивали на ночь на самих себя или пихали под жесткие тонкие подстилки на нары. Но явно не все.

Кирилка вздохнул. Ему, родившемуся пусть и после Войны, к грязи привыкнуть оказалось тяжелее. Батя не давал ложиться спать не то что с грязными ногами или лицом, куда там, держи карман шире. Не помыл шею с ушами, не выскреб пот из подмышек, так и останешься куковать во дворе, если батюшка не в духе. Если отец оказывался в духе, то, пока тлела самокрутка из сухой и ломаной ненужной травы, следовало исправлять допущенное непотребство.

А здесь? А здесь воняло, именно что воняло, а не пахло, постоянно. Залежавшимся сыром невымытых, гниющих от стрептодермии и грибка ног, с толстой и черной кожей по-

дошв, с обломанными, содранными или темнеющими гематомами под ногтями. Несло тяжелой тухлятиной из каждого сапога и ботинка, стоящих, аккуратно лежавших... а то и просто брошенных на разбухших досках пола. Перло подвалом, мышами и мириадами умерших насекомых изпод них самих, растрескавшихся, скрипящих и проседавших под длинными нарами. Сбивало с ног сотнями крошащихся трухлявых зубов, несварением, поносом и газами от стада, лежавшего на необструганных досках, накрытых тощими травяными циновками, густо покрытыми вшами и их гнидами. Разило как в хлеву, но от людей. А еще болезнями, голодом, страхом и отчаянием.

Лязгнул запор, второй. Бормотание и скрипы затихли. Замок даже уже начавший свою вечную канитель полусумашедший старик с заплесневевшей бородищей до пупа, спавший у параша. Утро могло начинаться по-разному, но чаще всего оно заявляло о себе плохо, особенно в смену рябого.

– Подъем, выродки! – загудели, разгораясь, лампы у входа. Ввалились сразу трое начальников, сытых, чуть пьяных. Плотные крепыши, обтянутые серыми мундирами, в подкованных сапожищах, до зеркального блеска начищенных ночью кем-то из рабов. День начался, и его секундомеры, тяжелые и твердые, эбонитовые и блестящие, вертели круги в правой руке каждого. – Па-а-ад-й-е-о-ом!!!

Кирилка вскочил, стараясь успеть натянуть сапоги, все еще державшиеся, с подошвами, пока не просящими каши.

Забухал, захлебываясь, Костя. Зашумели, застучали пятками, соскакивая на пол и толкаясь, остальные. Серое начальство прохаживалось между суетливо обуваемыми рабами, покручивая секундомеры. Изредка мелькало, потом мягко ударялось и приглушенно, со свистом-стоном, ойкало. У дверей стояли еще двое серых, держа наизготовку АКСУ, нагло смотрящие раструбами стволов.

Кирилка все прыгал на одной ноге. Рябой, довольно ухмыляясь, только зашагал к побледневшему Костику. А тот, чуть не запихав в рот кулак, лишь пытался сдержать новый взрыв в груди и хлюпающих мокротой бронхах. Откуда-то из-за тяжелой, тронутой понизу ржавчиной двери прилетел в корпус шелест, тихий и очень аккуратный звук катящихся, мягко подпрыгивающих на не очень ровном полу длинного коридора резиновых колесиков. Ших-ших-ших... Кирилка застыл.

Серое начальство не умело слушать так, как раб Кирилл. Оно могло подслушать многое, заставляло шептать и развязывало языки любим молчунам. А вот правильно слышать, так, чтобы понимать до появления – не умело. Кирилку, на его беду, мама с папой и природой одарили куда как более совершенным слухом. Но скоро услышали и увидели все. Рывкнул мгновенно вытянувшийся автоматчик, лихо крутнулись на каблуках хозяева в мышинового цвета униформе. Застыли, стараясь не поднимать глаз, рабы. Кирилка взгляда от двери не отвел, так и стоя на одном месте. Гулко бухало сердце.

Она, как и всегда, была прекрасна. Она казалась ему, пусть и думающему только о сне, еде и побеге, богиней, жесткой, жестокой, ругающей и самой красивой на свете повелительницей.

В богине Кирилки весьма немало сантиметров и килограммов. Но все они нужны и великолепны. Вместо серо-мышинного верха с зеркально-грубым низом – мягкая глубина оливкового и хаки, серебро кожи тонкой выделки. Ремни португалии мягко обтекали божественную красоту ее сильного и опасного тела. Чуть золотились коротко остриженные волосы и холодно поблескивали прекрасные линзы прицела ее небесно-лазурных глаз.

В корпусе повисла ощутимая, как груз в шахте, тишина. Широко шагнув поскрипывающими высокими, до точеных и видимых под сукном колен, сапогами, внутрь вошла богиня смерти в аду, где Кирилка прожил три месяца. А звали ее, женщину и хищника, несказанно прекрасно для его излишне чутких ушей.

Инга Войновская.

Кирилл смотрел на нее, не косился под ноги, не глядел на выщербленную полосу паутины трещин, покрывающей сизо-зеленую, с белесыми пятнами и выщерблинами, стену напротив. И не хотел замечать ее постоянных спутников.

Ших... и в корпус вкатилась выкрашенная в белое металлическая каталка. Щелк... рядом с ней замерли трое в таком же хаки и с черными масками на лицах. Скрр... как обыч-

но, задев за сталь порожка, вошел худой и бледный человек в синем комбинезоне, стерильно чистом, занес запах дезинфекции, крови и боли, ввевшихся в ткань. Чщц... зашуршала бумага, пожелтевшие страницы, прячущиеся за картоном папки, светлым пятном на синем, в его руках. Врач, тот, кто забирает и не возвращает. Пес, верно стоящий у длинной и прекрасной ноги его богини, хозяйки жизни и щедрой дарительницы смерти.

– Госпо... – подскочил и тут же заткнулся, вытянувшись, рябой.

Выгнутые и почему-то (ее волосы же золотые!) темные брови дрогнули, чуть наметилась морщинка.

– Мне нужен...

Кроме чуткого слуха и любви к странной и страшной женщине, у Кирилки, не так давно дожившего до семнадцати лет, имелось немало других скрытых талантов. Например, отличное зрение, наблюдательность и память. Чуть замятый уголок папки, расслоившийся край, пятнышки от раздавленного и не до конца очищенного с картона таракана и пожелтевший шнурок. Он видел это один раз и запомнил навсегда. Сердце забилося быстрее.

– Кирилл...

Бом... бом... б-о-о-о-м. В висках бухало все сильнее. Кирилл Иванов, Кирилл Майкин, Кирилл Сатеев, Кирилл... он сам, Кирилл Замятин.

– Замятин.

Сердце чуть замерло, екнуло, затихло и ударило сильнее. По спине, сырой от созревшей циновки и пропахшей потом робы, побежала вниз тонкая и ледяная, до мурашек, капля пота. Проскользнула до вставших дыбом волос на крестце, скользнула под резинку совсем прохудившихся трусов, впиталась. Ее сестренки оказались проворнее, поспешая и догоняя опередившую их.

Рябой чему-то радостно улыбнулся и тут же подскочил, вцепился клещом в руку, вытащил из неровного и дрожащего строя. Кирилл не смог не посмотреть на нее, в несколько шагов ставшую такой близкой. Чуть слышно втянул воздух, пахнувший мылом, начищенной и смазанной кожей сапог и амуниции, еле уловимым запахом чего-то острого, пахнувшего ею. И поднял глаза, встретившись наконец-то с ней взглядом.

Прицел винтовки бати, старый и надежный, помогавший убивать многих, зверей и не только, был теплее и не так опасен. Иллюзия жизни закончилась, протянув после набега и плена чуть больше трех месяцев. Нет никакой богини, нет никакой живой красоты. Есть лишь немного времени до пустоты. Скрытый талант собственной тощей задницей чувствовать неприятности у Кирилла также имелся.

– Это что такое? – ласково и мягко поинтересовалась Инга. – Что это?

Рябой подскочил, глянул, разом став белым. Не особо гладко выбритый подбородок заплясал, затрясся.

– Михаил!

Подскочил врач, присмотрелся к Кириллу.

– Хм, ну, ничего страшного. На лице недельной давности гематома, явно от удара рукой, кулаком, возможно, локтем. Хотя нет, вряд ли локтем. Им били вот здесь, бровь рассечена и зажила не далее, чем десять дней тому назад. Поднимите робу, Замятин.

Он поднял вверх тяжелую и шершавую ткань, не отрывая взгляда от голубых глаз.

– М-да... – врач покачал головой. – Я говорил, Инга, говорил и неоднократно – отдельное помещение, режим и питание нужно всем, хотя бы отдаленно подходящим по параметрам. Юноше повезло, мог умереть от чуть более точного и сильного удара.

Мог умереть, как интересно. А сейчас что, накормят, дадут выспаться, отмоют и отправят домой? Кирилка чуть не усмехнулся.

– Согласна. Второй! – из-за двери неслышно и быстро появился еще один оливкового цвета. – Сменить караул, начкара и этих двух – на шомпола, к третьему батальону. У них как раз подготовка к завтрашним стрельбам и чистка оружия. Замятин!

Рябой рухнул на колени. Кто-то из его серых друзей-товарищей решил сопротивляться. Не вышло, треск ломающихся костей был недолгим, но громким. Надзиратель стек по стенке мягким комком тягучего варева из помоев, что

давали рабам на завтрак, обед и ужин. А Кирилл Замятин спокойно лег на каталку, даже не подав признака страха. Неправда о жизни закончилась три месяца назад, улетела вместе с горьким и жирным дымом сгоравшего хуторка, его семьи и друзей. И ему оставалось до встречи с ними совсем немного.

Он не крутил головой по сторонам, тихо лежал и спокойно глядел вверх. Хватало и одних потолков, складывающихся в странную и неповторяющуюся мозаику. Каталка шелестела резиной, мягко перекатываясь по неровным, убитым и идеально гладким полам, встряхивая человека на стыках и стяжках, чуть грохоча по металлическим участкам. Кирилка смотрел на мелькающую перед глазами картину, оставаясь все таким же отрешенным.

Густая сеть тоненьких трещин и небольшие куски облупившейся побелки, зеленая краска переходов, украшенная наплывами неровно нанесенной штукатурки, прямые и ровные линии стыков бетонных плит, выпуклые соединения металлических перекрытий, паузы сочленения швеллеров и уголков, темнеющие пустотой ангары. Менялась мозаика сколов, менялся свет: то падал из редких кровельных фонарей с грязными стеклами, то мягко струился из плафонов, забранных сеткой, то резко, до боли в глазах, бил из длинных панелей почти белого излучения.

Там, в прошлом, электрическому свету Кирилл подивил-

ся всего два раза: на большом базаре, где жители разрушенного городка приспособили оживший и бодро бежавший Урал под грубую, но действенную гидростанцию, и в крепком блокгаузе добытчиков земляного масла, нефти, мазутчиков, имевших несколько перегонных кубов и дизельный генератор. Здесь, в подземном убежище Ордена Возрождения, электричество находилось рядом весь остаток его жизни, не такой и длинной.

Каталку чуть тряхнуло на повороте, свет сменился на желтый, показался угловатый прямоугольник лифтовой кабины. Мягко заурчал двигатель, лифт чуть тряхнуло, и он мягко пошел вниз. В шахте подъемники забирали только проржавевшей сеткой-рабицей, здесь же стенки блестели отмытым и целым коричневым пластиком. Показалось прекрасное лицо его богини, обеспокоенно спросившей у тут же появившегося врача:

– С ним все в порядке?

– Так точно, Инга, – врач посветил тоненьким ярким фонариком. – Просто пациент не глуп и что-то понимает. Так? Хм, ясно. Это шоковое состояние, совершенно не опасное для процедуры, так... пульс в норме, дыхание ровное... сердцебиение не учащенное и без аритмии. Не стоит переживать. А на месте...

– Я поняла.

Разговор прекратился. Лифт урчал двигателем, чуть поскрипывал, опускаясь ниже. Кирилка смотрел на решетку,

на моргающие за ней лампочки, в голове мерно стучали секунды.

Потолок вновь сменил свой цвет – стал матовым, с легкой желтизной, ярко освещенным. В стороне лязгало и звякало что-то металлическое. Шипело, булькало, переливалось и шелестело.

– Мастер, как вы? – Инга простучала каблуками куда-то вперед.

– Уже лучше. Девочка моя, это тот самый экземпляр?

– Да. Виновные уже несут наказание.

– Правильно... – снова чуть зашипело, голос стал глуше. – Это правильно. Порой рядовые братья забываются. Ты поступила верно, Инга. Господа медики, попросил бы вас поторопиться, установить оборудование и потом оставить нас с госпожой майором наедине.

Каталка дрогнула, мягко защелкнул смазанный механизм в районе поясницы Кирилки, он начал подниматься. Верх жестковатой поверхности под спиной пошел вперед, потолок, соответственно, наоборот – вниз.

Таких мест он еще не видел. Чтобы так чисто, со сверкающими стенами и полом, с огромным количеством металла, опасного, переливающегося в холодном свете больших светильников хитрыми гранями, изгибами и острыми кончиками. Сверкало стекло дверок одинаковых белых шкафов, матово отсвечивали бока пластикового оборудования, и несло той самой дезинфекцией и стерильностью, сквозь которую,

неуловимо и крадучись, вплетался слабый запах многих литров крови и боли.

Рядом, опутанный хитрым и осмысленным переплетением шлангов, прозрачных гибких трубок и проводов, повиснув на упругом каркасе, висел тот, кто говорил с Ингой, называл ее девочкой.

Худющий, перемотанный бинтами и эластичными лентами, с выпирающими через желтоватую, в частых язвочках кожу, костями. Шипение объяснялось просто: половину лица закрывала маска респиратора, с сетками мембран переговорного устройства. Рядом, сверкая хромом, качалась взад-вперед толстенная резиновая гофрированная кишка, гоняя кислород, если судить по надписи на подключенном баллоне. Глаза, практически черные, уставились на Кирилку, жестко сощурившись под отсутствующими бровями. К стерильной чистоте прибавился новый запах: заживо умирающего тела.

Подвешенный, судя по всему именно Мастер, кивнул и перестал смотреть на парня. Рядом тут же оказались двое в резиновых перчатках, марлевых повязках, укутанные с ног до головы в синее и чистое. Зазвенели, защелкали, запахло резко и одуряюще. Кирилка молчал и смотрел. Сердце перестало колотиться безумным галопом, сбавило темп, пот просох. Сзади лязгнуло, в спину потянуло прохладным воздухом, пощекотало чем-то мокрым и холодным, пахнуло спиртом. Рядом оказался кто-то из синих, протер внутренний

сгиб локтя, сноровисто воткнул иглу. Кирилка посмотрел вниз.

Кровь у него забирали уже несколько раз, последний выпал позавчера. Тогда же его и еще нескольких человек осматривали эти самые врачи. Кто-то из них, точно.

– Проверить давление. Проверить...

Суетились, бегали, что-то надевали, прилепляли, сжимали, щупали.

– Состояние хорошее, экспресс-анализ подтвердил данные прошлых заборов. Совместимость...

– Наплевать... – висящий зашипел, повернув голову в их сторону. – Не в первый раз, справлюсь. Приступайте быстрее.

Врачи собрались тесной синей кучкой, пошушукались. Один что-то доказывал, остальные тихо шикали. Подошла Инга, отрывисто и неразборчиво бросила несколько фраз. Головы в масках и шапочках закивали, соглашаясь. Врачи разошлись, готовясь к чему-то. Один остался возле Кирилки, притянул толстыми ремнями руки, ноги, голову, корпус. Кирилл не сопротивлялся, не хотел уйти к своим с болью и кровью из нескольких лишних дырок в организме.

– Реланиум, внутривенно. Добавьте раствор Красный-пять и реагенты, живее! – синий отошел. – Наблюдаем за общим состоянием. Готовьте систему...

Звонко лопнула растянутая до предела раскаленная зеркальная паутина, растянувшаяся перед глазами. Мир Кирил-

ки неожиданно вырвался наружу, заполнил собой все вокруг, вобрал в себя и эту странную комнату (операционная, да-да, подсказал внутри чей-то голосок), этих людей, этого странного старика с изъеденной кожей и золотоволосую Ингу. Вобрал в себя, раздулся бликами боков мыльного пузыря из живой ртути, брызнул во все стороны, лопаюсь и разбрасываю его жизнь. Кирилка улыбнулся.

– Реакция стандартная... – голоса доносились издали, тонкими иглами пробивали густой воздушный туман. – Все системы работают в нормальном режиме. Организм объекта полностью готов.

– Приступаем. Готовность ноль-один.

– Вхожу.

– Вхожу.

Кирилл плывал в ласковых волнах солнечного моря, радостно улыбаясь прыгающим по волнам бликующим зайчикам. Что-то коснулось его спины, замерло, чуть провернувшись и пошло дальше, вовнутрь. Кирилке стало интересно... но тут один из зайчиков скакнул прямо ему в руки.

– Все установлено? Как работают аппараты? – Инга брезгливо покосилась на худющего замарашку. Отмыть его не успели, хорошо, что обработали раствором и обычным спиртом. Как его... Кирилл Замятин, один из стада сепаратистов, воняющий хуже свиней, не подозревающий о своей великой роли, пусть даже роль свелась к комплекту запасных частей для Мастера, вернее, для необходимых жидкостей, сейчас

перекачивающихся в истощенный долголетней борьбой организм.

Сейчас мальчишка, надежно притянутый к плоскости подъемной части медицинской тележки, улыбался и пускал пузыри. Ей даже стало любопытно, это зрелище довелось наблюдать впервые. Раньше Мастер никогда не звал ее на разговор во время регулярной для него процедуры. Юный дикий засранец радостно давил улыбку, совершенно наплевав на потерю жизненно важных составляющих собственного тела – крови, плазмы, костного мозга. Катетеры, толстые иглы-пробойники, прозрачные трубки, уже начавшие наполняться.

– Да, все работает в штатном режиме, госпожа майор, – старший врач вытянулся. – Никаких непредвиденных осложнений.

– Вышли все вон... – проскрипел Мастер. – Инга, подойди ближе и внимательно слушай меня, девочка.

Кирилка летал на облаках из чего-то пушистого и сладко пахнущего. Вокруг затихало, мелькали пропадающие тени, несколько раз стукнула, закрываясь, дверь операционной. Он улыбнулся, погружаясь в мягкий теплый сон и начал засыпать, совершенно не вслушиваясь в убаюкивающую болтовню, прерываемую ритмичным шипением работающей респираторной маски.

– Инга, моя девочка, слушай внимательно... После окон-

чания этой процедуры ты должна сделать всего одну вещь.

– Да, Мастер?

– Собери свой отряд, возьми лучших людей и технику. Обязательно прихвати с собой Серого Илью и Шатуна. Не прекословь, майор!.. Вот так, да, наклони свою красивую и умную голову, согласись со мной, умирающим никчемным подобием самого себя. Так вот, майор Войновская, слушай мой приказ. Ты отправишься в сторону гребаного Кинеля, рассадника муравьев, не желающих пока принимать лучшую для себя участь. Там ты найдешь девушку, зовущуюся Дарьей Дармовой, и приведешь ее сюда. Я уже отправил человека, и он предупредит наших агентов в Кинеле. Возможно, задача окажется даже проще, и ты просто привезешь ее сюда. Но...

– Что «но», Мастер?

– Вот только мне совершенно не верится в такой исход.

– Зачем нам эта Дарья?

– Зачем... я умираю, девочка. Сколько еще протянет мое тело, не знаешь? Никогда тебе не рассказывал, считал, что это глупо. Когда-то я был настолько самонадеян и глуп, что... что не выбрался из камеры для опыта во время ракетного удара. Одного единственного импульса, уничтожившего аппаратуру за сотню километров отсюда, хватило для скачка напряжения, уничтожившего энергосистему. Автономные цепи сработали не сразу, кто мог предположить такой-то сбой до настоящего, а не тренировочного, удара? Де-

сять секунд внутри саркофага, не спасающего от проникающей радиации и одновременно попавшего под сильное электромагнитное излучение, без защиты. Да, моя сила появилась именно в тот момент, и только благодаря этому появился наш с тобой Орден.

– Вы никогда не рассказывали, верно... – Инга подошла к висящему в своем коконе человеку. Провела рукой по щеке, той ее части, что виднелась между респиратором и металлизированной маской, надеваемой Мастером в последнее время все чаще и чаще. – Столько лет страдать, мучиться от постоянной боли... не слишком ли дорогая цена?

– Нет. Цена даже малая по сравнению с полученным результатом. Чувствовать и читать мысли, узнавать сокровенное, манипулировать и управлять – мечта многих до Войны. Жалею о двух вещах, девочка... Вряд ли увижу возвышение, настоящее возвышение Ордена. И о том, что повстречал тебя уже таким. Но хотя бы смог сделать тебя такой, какая ты есть...

Кирилл уже плохо понимал происходящее с ним. Оставались только два голоса, ясно и четко беседующие о чем-то рядом. Тепло и ласковая мягкость пушистых золотых облаков отступала, превращалась в ало-багряные пугающие стенки, сжимавшиеся вокруг него.

– Мастер... – Инга отступила. – Спасибо тебе. Что мне надо знать о девчонке?

– Да, действительно. Ей около пятнадцати-семнадцати,

как мне кажется, хотя, полагаю, даже чуть больше. Она красива, несмотря ни на что, несмотря на серую жизнь вокруг. Один из агентов, живущих в Кинеле, должен будет встретиться с тобой, передать ее портрет либо ее саму. Она сильна, хотя и не подозревает об этом, настолько сильна, что следует взяться за нее сейчас и превратить в наше новое оружие. Я совершил самонадеянную глупость, уже стоившую нам дорого... Нашел ее, залез в голову и наследил.

Инга молчала, прокручивая в голове слова создателя Ордена. Способности Мастера, до Войны бывшего перспективным ученым, работающим над геномом человека, всегда поражали ее. Сам он, говоря о себе и подобных, изредка встреченных солдатами Ордена, использовал странноватый и непонятный термин – сканеры. И улыбался чему-то. Возможности, подаренные ему Войной, поражали.

Мастер умело направлял лучших военных подземной части объекта, ставших первыми командорами Ордена, и подавлял слабоволие рядовых воинов. Читал, нисколько не смущаясь, мысли у тех, кто попадал под его влияние. Инга не была уверена в себе, но считала, что ее воля не дает Мастеру подобной возможности игры с ней самой. Мастер, еще пять лет назад бывший более бодрым и здоровым, постоянно старался тренировать умения. И уж если заговорил о девочке, обладающей схожими качествами... Значит, она действительно ему нужна. А раз так, то не остается ничего другого, как достать ее хоть из-под земли.

– Она почувствовала меня... – Мастер недовольно дернул головой. – Испугалась, ощутила ауру Ордена, нашу силу, наши методы. Да-да, моя девочка, канал связи, скажем так, двусторонний. И пусть я закрыл его насколько мог своим собственным, так сказать, файерволлом, кое-что до нее дошло.

– Чем это грозит?

– Дарья смогла нащупать еще одного сканера, вернее, одну. Оказывается, моя милая, все не так уж и плохо в бывшей Башкирии. Во всяком случае, та сучка, что отозвалась, как раз оттуда. И эта шелудивая тварь посоветовала нашему нежному цветку убираться из Кинеля. Что, с одной стороны, нам на руку, а, с другой, только повредит. Нет худа без добра, конечно. Тупая овца, считающая себя кем-то сильным, совершенно не позаботилась прикрыться и выдала девчонке нужную мне информацию, пусть и не всю.

– Мы знаем, когда и куда точно она уйдет?

– Не совсем так... Но кое-что известно. У нас есть небольшой запас времени, и ты используешь его.

– Что тогда не так? – Инга уловила в голосе Мастера... неуверенность?!!

– Девочка связалась с кем-то, смогла найти маячок в голове какого-то отморозка. И я, Я!!! Я не смог проникнуть в его мысли и совершенно не представляю, что тот выкинет.

Облака, в которых Кирилка уже не плавал, тонул, сгустились пурпуром, сдавили его, выжали все возможное. Вспых-

нул на краткий момент свет операционной, падающий на самую прекрасную и опасную женщину его короткой жизни. И пришла тьма.

* * *

Самарская обл., крепость Кинель (координаты: 53°14'00"с. ш., 50°37'00"в. д.), 2033 г. от РХ

Сеня переминался с ноги на ногу, стоя под грибком самого мерзкого входа в крепость. Блокпост, вынесенный далеко за пределы первых укреплений, выходил на ржавую ветку, ведущую в Самару. Ни тебе торговцев с мздой для караула, ни поселенцев из окружающих деревень с тележками жратвы, ни путников, ищущих новое место и наверняка желающих что-то да дать героическим постовым. Никого. И, ясен пень, ничего.

А все почему? А все потому, что Рубеж, хренова срань, растянулся вокруг дохлого города. Никто не пройдет, никто не проедет. Разве что набежит порой какая-никакая мерзопакость, мечтающая воткнуть клыки, когти, шипы или чего хуже в замерзшего и продрогшего часового дальнего блокпоста Арсения Рыткина. Этого-то удовольствия, вместе с радостью, сколько угодно, прямо-таки сколько душа попросит. Хотя она-то как раз в таких случаях старалась молчать и не вякать.

Сеня вздохнул, почесав ногу. Свербило немилосердно, а как еще? Да и почесался, куда там... почешись через ОЗК и теплые штаны на вате. А как еще, если льет уже без продыха третий день? Если не четвертый. Вот караульный Рыткин и хлопал себе по коричневой, чавкающей жиже в чулках защитного комплекта поверх ботинок с опорками. Чертов дождь, сраная и гребаная жизнь, э-э-х...

Автомат, древнее «весло», соскользнул с плеча, Сеня подхватил его, да вот... То ли шагнул неудачно, то ли просто не судьба сегодня, и все тут. Жирный шматок повис на предохранителе и затворе, потек вниз.

– Да чтоб тебя... – Арсений матюгнулся, и, для разрядки, еще раз. – Твою ж за ногу...

Через дождь, пусть и не стоявший стеной, пробился звук. Сеня вздрогнул, смахнул грязной перчаткой воду со лба, перепачкав лицо. Звук повторился. За густой пеленой капель проглянулся вдали странный силуэт. Сеня охнул и ударил обрезком трубы по куску рельса, потом еще, и еще.

Торопливо опустил предохранитель, дернул затвор, молясь про себя. Лишь бы не заклинило, лишь бы грязь внутрь не попала, лишь бы... Не попала. Затвор лязгнул, загоня патрон. Караульный уже присел за наваленные мешки с песком, прицелился, ловя подрагивающую мушку. Сзади, покальзываясь и хлопая, уже бежали свои.

– Чёй-то? Где, Сенька?

– Да вон, тама, зырь!

– Чо за хрень, мужики?! Не пойму, то ли стоит, то ли нет.

– Ничо, пацаны, ща ближе подойдет и...

– А-а-а-тставить, охуярки! – громыкнуло сзади. – Сдурели что ли, палить по не пойми чему?! Я вас научу, как родину любить и ее патроны не тратить! Обалдуи рукожопые!

Кузьмич возник рядом со своим собственным караулом всей своей невысокой и квадратной фигурой. Первым делом затянул ремень брюк, совершенно наплевав на дождь, и лишь потом поправил плащ и перебросил автомат со спины вперед. Караульные мокли, молчали и даже не думали оправдываться.

– Так... – усы чуть дернулись. – Ну, Рыткин, ради чего ты меня сдернул с относительно теплого сортира, а, щегол?

– Это, старшина... я, ну это, вон же, там, а я...

– Я-я, головка от... кумулятивного снаряда, – старшина присмотрелся. – Хм, однако же... действительно, непонятная хрень.

Непонятная хрень стала чуть ближе, а звук стал легко узнаваемым. Шли в четыре ноги, волоча за собой что-то тяжелое. Что-то ритмично стучало по остаткам почти сгнивших шпал.

– Эй, сволота, а ну-ка, стоять! – гаркнул Кузьмич. – Стрелять буду!

Неведомая сволота обращение начкара проигнорировала самым наглым образом и продолжила тащиться в сторону поста. Старшина крякнул, тихо опустил предохранитель, по-

ложил палец на спуск. Остальные замерли, вжались в мокрые, воняющие землей мешки, ловили в прицелы две заметные шагающие и согнутые фигуры.

– Не то что-то... Серый, Колян, а ну-ка за-а мной!

И зачавкал грязью, по-медвежьи переваливаясь в сторону плетущихся. Новички, Серый и Коля, его обогнали, прижимая приклады, старались не упустить ничего по сторонам. Старшина одобрительно хекнул, харкнул тягучей слюной, уставился на маячивших впереди двоих. За десяток шагов до патрульных те, наконец-то, встали, шлепнулись на колени, не отрывая рук от чего-то за спиной.

– Да что за... – Кузьмич приостановился, выждал, пока ушедшие вперед бойцы поравняются с неожиданными гостями. Ничего не происходило. Старшина присмотрелся к сидевшим людям, уже подойдя к ним вплотную.

Один худой, с торчащим подбородком, русский, второй вроде как кавказец, что ли, лица пусть и в синяках, и нос у одного набок, а знакомые. Да еще как знакомые-то... Одежда хорошая, но рваная, грязная, прямо тряпка половая. Ага, так вот почему руки назад, надо же. Запястья кто-то не особо заботливый и сердобольный притянул тонким и прочным шнуром к ручке от большой старой тачки. На ней, ржавой и просевшей на грубых деревянных колесах, темнел большой мешок. И несмотря на дождь, чем-то очень не нравились старшине потеки по толстому брезенту.

– Да что за ешкин клеш... – Кузьмич увидел наконец-то

причину, из-за которой эти бедолаги шли и шли. За дождем-то, особенно когда глаза в щелку за набухшими кровью свежими синяками, мало чего разглядишь. А услышать?! В ушах у обоих, темнея запекшейся кровью, торчали деревянные чопики, вбитые чьей-то рукой. – Ну не х...

– Стоять! – дико заорал Серый, направив ствол на неожиданно выросшую на насыпи темную фигуру. – Руки в гору задрал, мать твою!

Кузьмич прищурился, смахнул каплю, попавшую в глаз. Перевел взгляд на странно знакомых страдальцев, и еще раз на нового персонажа. И даже угадал его слова.

– Ты мою маму-то не трогай, ушлепок, а то уши отрежу, – плевок. – Здравствуй, Кузьмич.

– Серый, отставить, – старшина выдохнул. Мандраж, все-таки добравшийся до него, отступил. Хотя тревога до конца так и не испарилась. В присутствии *этого* тревога у начкара появлялась всегда, уже целых десять лет, прошедших с момента его первого появления в Кинеле. – И тебе не хворать.

– Ну не обижайся, не надо. Пошутил слегка, с кем не бывает.

– Шуточки ему, надо же.

– Пошутил? – лицо у обиженного Сергея чуть перекосило. – Да мы б их постреляли, урод!

– Кузьмич, что он у тебя такой невоспитанный, а? – человек, скрывающий лицо под плотным капюшоном, хмыкнул. – Может, для профилактики...

– Хватит, – старшина вздохнул. – Кто они?

– Наконец-то! – мужик под капюшоном довольно хмыкнул. – Рад, что среди стражей этого островка цивилизации есть воистину логично мыслящие люди. Так вот, уважаемый Кузьмич, здесь у меня, ни много ни мало, а ровно две шестых банды Весельчака Гарика, этих долбанутых гумпленов и садистов, сейчас стоящих перед вами, представителями законной власти свободного города Кинель... или сидящих, как думаешь, Кузьмич? Так что, юноша Серж, постреляли бы, так постреляли. Собаке, как известно, собачья смерть.

– А? – караульный непонимающе уставился на старшину. – Чего он мне гонит, старшина? Да и кто он ваще та...

– Рот закрой. – Кузьмич покрутил левый ус. То-то лица показались знакомыми. – И ведь точно, они самые, сукины дети. Ты что, Серый, не помнишь прошлогоднюю историю с челноками с Черкасс? Ну, которым еще рты разрезали, от уха до уха.

– Ага... – Серый сглотнул, уставившись на бандитов, так и стоявших на коленях.

– Да, лучше бы мы вас постреляли, уроды. – Кузьмич сунул в рот загодя приготовленную «козью ножку», прикурил. Самосад продирал хорошо, чуть не до печенок, самое оно в такую-то погоду. – Погоди. Так, понятно, это вот у нас самолично Гарик Весельчак, он один не русский-то был. А кто второй, не пойму, хотя... ба, Пашок Свобода, етит меня за ногу, точно. Ну-у-у, мил человек, серьезно тебе не повезло,

Касьянов тебе многое припомнит из твоих выходов. А где, раз уж пошла такая пьянка, еще четыре шестых банды?

– Да вот же они, все здесь, упакованы и разложены согласно полученным от нарсуда предписаниям, – рука в перчатке с обрезанными пальцами похлопала по мешку. – Дизель, Станислав, Никитос и этот, как его... Дюшес, что ли? Ну, то ли Метелкин, то ли Веников, в общем. Хотя нет, Станислав у нас вот тут, оттопыривается где. Больно уж у него на башке волос много оказалось, прямо грива.

– Ясно. – Кузьмич вздохнул, наклонился. От мешка ощущимо тянуло тухлецей. – Подгнили уже, что ли? Солью хоть присыпал?

– Дожди, чего ты хочешь.

– А?! – Серый начал врубаться. – Что в мешке, старшина?

– Репа, епт... головы, чего еще то?

Караульный чуть позеленел, уставился в темноту под капюшоном.

– О-о-о...

– А?

– Отрубал?

– Нет, юноша, отпиливал. Бензопилой со стразами, от Сваровски, – мужик хохотнул. – Не, Кузьмич, они у тебя совсем дикие. Не знают, что такое бензопила. Или стразы? Вот чем.

Длинная пола резинового плаща ушла в сторону. Рука ласково погладила рукоять длинного, расширяющегося к

концу тесака.

– Мачете рулит, шкет, однозначнее однозначного.

Кузьмич затянулся сильнее, отвернувшись в сторону. Коля побледнел, но пока держался. Серого неудержимо рвало в канаву у обочины.

Старшина выделил двух бойцов этому странному и страшному человеку, встал под козырек караулки и засмолил следующую сигарку. Арсений, сменившийся, топтался рядом.

– Чего тебе? – буркнул старшина.

– А кто он такой?

– Этот-то? – Кузьмич сплюнул. – Морхольд это. И все тут. Иди спать, боец, смена не ждет, скоро снова на пост.

Выйдя от судьи, он огляделся. Город прирастал, это бросалось в глаза; о том, чтобы окружить его дополнительной стеной, не приходилось и думать. Но кинельские власти справлялись и так. Хотя... Морхольд прищурился, присматриваясь через дождь, перешедший в монотонную морось. Ба, ну надо же, все-таки начали строить подобия небольших фортов на границе городской территории. Видать, чего-то опасаются. Но его проблемы разросшегося Кинеля совершенно не волновали, сейчас важнее другое. Или другая, это как посмотреть.

Сдать ухарей-ухорезов, несомненно, лучше всего было именно здесь. Пачки «семерки» приятно оттягивали подсу-

мок, слово свое местные держали. Но пришел он сюда не за этим, или, вернее, не только за оплатой.

Когда он в первый раз услышал странный зов во сне? Неделю назад, где-то так, может, и больше. Искать «весельчаков» пришлось на самой Красной Глинке, как вспомнишь, так вздрогнешь. Мало как будто ему банды, пусть и за хорошее вознаграждение. Так нет, потянуло этих утырков к большой воде, б-р-р-р. Не иначе, кто-то слил информацию про него этим поганцам. Вот и бежали сломя голову, совершенно не разбирая пути. Неужели и правда, полагали, что не рискнет идти к месту охоты *мэргов*? Идиоты.

Тогда, на бывшем заводе «Электроцит», сон пришел в первый раз.

Тоненькая девичья фигурка, разлетающиеся под напором дикого ветра волосы, слезы в глазах, дрожащие мягкие губы. Он не помнил ни слова, как ни старался, не выходило. Память выдавала только ее облик и старое одноэтажное здание из кирпича между путей, которое он знал с самого детства, видел сотни раз в окна электропоездов, возивших студентов и работяг из области в Самару. Огромная железнодорожная станция, ставшая после Войны вольным городом-крепостью Кинелем. Что оставалось делать после пятого подряд сна, точь-в-точь повторяющего предыдущий? Несомненно, спирта, найденного у упырей, любящих поиздеваться над пойманнами торгашами, хватило бы на недельный запой. Но смысл?

Да и вообще, человек по природе своей скотина любопытная, а Морхольд себя не причислял ни к какому другому роду, виду или отряду млекопитающих. Оставалось только слегка пошукать и найти юную деву с большими глазами, блестящими, аки у коровы, копной густых волос и желанием познакомиться с Морхольдом. Либо все же обратиться к Михаилу Михайловичу, давешнему знакомцу и одному из светил кинельской медицины, психиатру по основному профильному образованию, полученному в самарском «меде».

Хотя... искать ее на ночь глядя и под дождем? Нет уж, назойливое видение, увольте. Себя и собственное здоровье Морхольд ставил куда выше сноприходящих дев, пусть те даже юны и прекрасны ликом. Ничего страшного, подождет до утра. Поиск, в смысле. Либо поход к Михал Михалычу.

Мужчина далеко не молодой, грузный и с ног до головы изгвазданный грязью, спрыгнул с крыльца суда прямо в жижу под ногами и двинулся в сторону приветливо горевших огней двухэтажки неподалеку. Хотелось ему сейчас немногого: помыться в горячей воде с мылом, сменить насквозь промокшие портянки, съесть чего-то горячего и мясного, чуть выпить. И бабу. От последнего Морхольд не отказался бы и в первую очередь. Разве что вместе с помывкой, так как сам себя считал человеком воспитанным и культурным.

Судя по легкому шелесту и чуть слышной дроби за стеной, дождь и не думал прекращаться. Обидно. Хотя куда обиднее стук в дверь спозаранку. Но деваться ему некуда, при-

дется откликнуться. Но перед этим Морхольд сделал три дела. Вернее, два с половиной.

Взвел курок у револьвера, натянул трусы и подумал прикрыть роскошный, пусть и слегка помятый задок шлюхи, снятой тут же, в гостинице. Именно в такой последовательности. Прикрывать все же не стал, решив, что такая красота может и отвлечь стрелков. Если за дверью, конечно, именно они.

– Входи!

Дверь скрипнула, впуская незваного утреннего гостя. Морхольд хмыкнул и убрал револьвер. Она оказалась еще моложе и симпатичнее. И не плакала. Да и вообще не походила на ту слабую и расстроенную девчушку из сна.

Ишь, какой взгляд, того и гляди прострелит им насквозь. А так... а так действительно совсем молоденькая и милая девушка. И что дальше по плану? Пока Морхольду совершенно ясно было только одно: с головой у него все в порядке и распить с ветераном битв против зеленого змия спиртяшки, если и выйдет, то не скоро и без профессионального повода.

– Здравствуйте, вы же Морхольд?

Он было открыл рот, чтобы ответить. За спиной что-то пробормотала и зашевелилась «ночная бабочка», почесалась во сне. А ночная гостья уставилась на нее и, совершенно неожиданно густо, по самые уши, покраснела. На всякий случай Морхольд оглянулся. Ну... ну лежит себе и спит голая и относительно молодая баба, ну, синяки есть на заду

и прыщик, и что? Эх, молодежь-молодежь, чего тут краснеть-то? Он хмыкнул и развернулся обратно:

– Я-то Морхольд, девушка. А вот вам надо будет мне кое-что объяснить, ферштейн? Для начала, как зовут так талантливо проникающую в мои сны особу?

Неожиданно... но она покраснела еще сильнее.

– Даша. Даша Дармовая.

Глава 2

Дорога не из желтого кирпича

Башкортостан, Чишмы (координаты: 54°35'38"с. ш., 55°23'42"в. д.), 2033 г. от РХ

В Чишмы Пуля вернулся через два часа вместо обещанных трех. Уставший, промокший от мороси до самых подштанников и злой. Прошел по широкой главной улице, где сохранились даже двухэтажные коробки, оставшиеся от бывшего поселка, вновь ставшего селом. Жизнь вокруг прямо-таки кипела, особенно по сравнению с тихим спокойствием старицы, с ее мертвенно-зеленоватыми кругами на стоячей воде и ссохшимися зарослями камышей. И запахом, мертвым тленом смерти, диким и непрекращающимся ни на секунду криком погибших людей. О да, не услышать вопли душ, не желаящих уходить, он так и не смог. Да и не хотел. А сейчас, ощущая улетающую прочь грусть, чугунно-тяжелую, шел по раскисшей улице и радовался жизни вокруг. Дыму из труб, такому домашнему и приятному. Ребягне, с визгами гонявшей по лужам старые ободья от бочек с помощью палок. Стаду разнорогих коз, загоняемых пастухом. Аромату где-то пекшегося хлеба, пусть тот больше чем наполовину состоит из травы вперемешку со всяким жмыхом. Грязи,

чмакающей под подошвами его собственных далеко не новых сапог. Азамат старался не думать о подошвах, грозящих в скором времени отстать, и радостно мыслил вот про эту грязь, такую милую, потому что в ней хватало парящего навоза, но не виднелось поблескивающей и впитывающейся крови. Жизнь и покой стоили нынче дорого. И радоваться, не платя ни патрона, хотелось все больше.

Местные, в основном старики и детвора, да женщины, открывающие ворота для своего скота, всюю косились на него, тарасили глаза. Кто и какую сплетню пустил про него, стало неважным. Взгляды, в основном испуганные, говорили сами за себя.

Девка в выцветшем платке, катившая на маленькой тележке здоровенный бидон с водой из колодца, разом затормозила. Колесики устройства, разные по высоте, и без того увязали в грязи. А сейчас, когда хозяйка отпустила ручку и одновременно шархнула в сторону, ушли в жадно чавкнувшее серое тесто полностью. Азамат покосился в сторону девчонки, испуганно уставившейся на него, вздохнул. Почему-то казалось, что причина не только в Саблезубе. Уж кого-кого, а мутировавшего зверья, чем дальше от Уфы, тем больше. Пусть даже его и уничтожают с такой скоростью, как здесь.

Помогать ей он не стал. На улице хватало «помогаев» и без него, а время дорого. Дом Ильяса ему показал хмурый мужик, пока еще неумело стучавший новенькой и пока светлой деревяшкой вместо левой ноги. А жил местный хозяин

довольно скромно, пусть и в большом доме, но уж точно не во дворце. Внутри его пропустили без задержек, разве что один из давешней пары охраны незамедлительно возник рядом.

– Нашел. – Азамат плюхнулся на недавно выскобленную лавку, вытянул ноги. Те ощутимо гудели, намаявшись лазать по вывороченным кустам, упавшим деревьям и густой топи у берега. Снимать сапоги не хотелось, хотя марасть пол было стыдно. – Завтра утром пойду. Помощь все же нужна будет, человек пять, и с чем-то горячим.

– Может, сразу огнем? – Ильяс ощутимо обрадовался, в глазах замелькали быстрые расчеты. – Сапоги не снимай, отмоют.

– А как же девочка? – Азамат благодарно кивнул симпатичной черноглазой девушке, незаметно поставившей перед ним большой ковш. В посудине что-то парило, вкусно и сладко пахло. Кружки приземлились на столешницу следом, чуть звякнув об бок сковороды с засохшим и остывшим мясом.

– Да жива ли она?

– Ты не просил помощи ни у кого, а меня позвал друг, я приехал. Друга сожрали на твоей земле и запросто оприходуют еще многих, если ничего не делать. Ты сам пока не можешь, время идет. Если я готов сделать это сам... – Пуля жадно глотнул теплого молока с медом из кружки, скребанув зубами по эмали, еще не сбитой до конца. – Так, может, мне решать – как и что делать? Ты говорил про плату, помнишь?

– Ты отказался.

– Я отказался от меха, мяса, патронов или еще чего-то. И не знал тогда, что точно жива.

– Хорошо. – Ильяс перестал хмуриться. – Пять человек?

– Да. Трое встанут по берегу, двое будут ждать меня у входа в гнездо навьи. Это сложно, на самом деле.

– Хорошо. Я сам пойду с тобой.

Азамат пожал плечами. Хозяину хочется искупить вину хотя бы так? Его дело.

– Еще мне нужен оружейник. В Чишмах ведь есть мастерская?

– Да. Я...

– Найду. Где мне остановиться?

– У меня. Комнату приготовили, баня стоит с паром, ужин, как стемнеет.

– Хорошо. Я вернусь позже, меня не надо ждать. Встаем не очень рано, мне надо отдохнуть как следует. А мутанты эти, водяные, вернутся с охоты рано, как раз к обеду лягут спать, а навья еще долго будет ленивой и спокойной.

Ильяс не ответил, лишь кивнул головой. Большого Азамату было и не нужно.

Лавку оружейника, совершенно сивого хрыча с пегой бородой веником, несколькими парами очков и люто дымящего трубкой, Пуля нашел быстро. Людей на улице прибавилось, косились так же часто, но без прежнего испуга (все-таки новый человек, и даром что с котом-живоглотом), если не

считать давешнюю красотку с бидоном, вновь встреченную и теперь для разнообразия не шарахнувшуюся в сторону, а застывшую на месте. Азамат вздохнул, пожал плечами и пошел дальше, провожаемый тягучим взглядом. Глаза, к слову, оказались большими и красивыми, с дрожащими ресницами и влажной поволокою. Или ему это показалось, мало ли, давно не был среди людей, одичал.

Дед, если судить по грубой вывеске, звавшийся Палычем, задумчиво ковырялся в агрегате, отдаленно напоминавшем разобранный до последнего винтика АГС. Хотя с таким же успехом он мог оказаться невесть откуда взявшимся в Чишмах отбойным молотком. И тому и другому делать здесь было категорически нечего, и Азамат даже немного удивился, хотя дальше удивляться предстояло больше.

Пусть старый пень и не выглядел, как любой его коллега из Уфы, Стерлитамака или Челнов, наикрутейшим спецом в собственном деле, упакованным с головы до ног в лучший камуфляж и амуницию, лавка его оказалась чистым сокровищем. Сам хозяин, в своих вытертых до белизны брюках и застиранной рубашке защитного цвета, смотрелся неряхой. Рукава, закатанные до сбитых локтей, блестели пятнами масла, очки либо обмотаны изолентой, либо спаяны вместе из двух разных половинок. Борода нечесана, прокуренные усы не стрижены и полностью закрывали верхнюю губу. А вот большая комната и ее ассортимент...

Экипировка, редкие довоенные экземпляры, висели бок

о бок с новыми экземплярами сбруи для патронов, гранат и прочего убийственного инвентаря. Камуфлированный «Гарзан» и пара «Пионеров», армейский жилет для «химиков», кем-то и когда-то найденные среди останков военных баз и руин городов, соседствовали с блестящей от масла кожей подсумков и карманов, сделанных уже сейчас. Практически вечные синтетические ремни с застежками и пряжками из пластмассы – против брезента с медными и латунными деталями. Новодел явно преобладал.

Оружие, вновь ставшее главным и лучшим союзником человечества после одного дня пылающего неба, стояло, лежало и висело в достатке (в основном, правда, холодное). Отдельно от всего блестела хищными щучьими мордами и гравировкой по лезвиям пятерка настоящих злато-устовских ножей, соседствовавшая с куда более скромными, но куда более удобными боевыми армейскими экземплярами. Остро и зло бликовали граненые стрелы, становившиеся все более популярными, и рядом, широко расставив плечи из полиамида, металла и даже рога, висели арбалеты. В отдельной высокой пирамиде стояли рогатины, дротики, топоры и граненые шестоперы.

Азамат не удивился, понимая все больше возрастающую роль давно, казалось бы, забытых приспособлений. Острыми твердыми перьями пробить череп любому мутанту проще, чем старым и далеко не надежным патроном «макарова» (в случае, если для ближнего боя есть ПМ). Нож, несомненно,

штука хорошая, но против дикой всеядной свиньи, становящейся все более многочисленной, тяжеленная дурында на палке – куда лучше.

Огнестрельного оружия висело и лежало меньше: три АК разных модификаций, один РПК с погнутым стволом, чуть блестящий чистыми накладками гранатомет и с десятков разнокалиберных ружей. За половину всего этого арсенальчика, практически не глядя, Азамат не отдал бы и собственный обрез. Видимо компенсируя бедность выбора заводского огнестрела, хватало самоделок, куда без этого. Одна здоровенная дура с откидным прикладом и здоровенным барабанным магазином даже глянулась Азамату. Очень уж грозно смотрелось это непотребство, калибра девятого на глазок. Вот только где к такой брать боеприпасы? Хотя и этого добра в лавке хватало.

Цинк, найденный в схронах, стоял открытым, показывая патроны в промасленных пачках. Рядом же лежали рассыпью их менее везучие товарищи, на которых сразу бросались в глаза удаленные следы ржавчины, убранной маслом или соляром, рубчики от тисков, державших цилиндрики во время перезарядки кустарным порохом. Рисковать и приобретать такие Пуля не решался никогда, даже если его положение становилось совсем тяжелым. Но сегодня его интересовали их более крупные и безопасные родственники. Для обреза, с дробью, а лучше – даже с картечью на медведя или кого-то его габаритов – в последние годы встречались всякие твари.

А для цели его завтрашней охоты нет ничего лучше хорошо и крупно нарубленной или отлитой металлической начинки обычного охотничьего патрона.

– Здравствуйте, абый.

– Ой, вот не надо, а?! – Палыч поднял голову, снял одни очки, слепленные из черной и красной оправ, и нацепил другие, склеенные вместе изолентой. – Я тебе, сынок, не абый, ты уж не обижайся. Хочешь дедом называть, так и называй.

– Как скажете. – Азамат пожал плечами.

– Это ты к другу приехал, а теперь вроде как, по души наших местных убивцев ночных собираешься?

– Все село уже знает?

– Все не все, а половина точно. – Палыч усмехнулся, не убрав трубки изо рта и окутавшись густым клубом дыма. – Думаю, ты ко мне не потрындеть о погоде зашел?

– Ваша правда. – Азамат улыбнулся в ответ. Оружейник ему нравился.

– Так ты садись вон там, пододвинь ящик. И говори, чего тебе, сталбыть, надо.

– Хорошо. Если по делу, так патронов бы к ружью, с картечью. И...

– Да погоди ты, милоч, – дед бодро встал и тут же схватился за поясницу. – А, будь ты неладна, зараза проклятушая. Как стрельнет, так хоть вой. Так... сынок, а ну-ка, помоги. Давай сперва решим один вопрос, а там и дальше посмотрим, что к чему. Патроны, говоришь... Вон тот ящик давай

сюда. Да нет, не тот, а деревянный, крашеный. Ага, молодец. Вот и спускай его сюда. Так...

Азамат осторожно спустился по шаткой стремянке, сняв с верха стеллажа ящик армейского образца, и поставил перед стариком. Внутри отыскалось необходимое.

– От, смотри, чего у меня есть. А?! Не, ты глянь, ручная работа, мастерская... – Палыч крутил в пальцах толстый цилиндр из латуни. – Сам делал, снаряжал, не, ты на-ка вот, посмотри!

Азамат взял патрон, провел пальцами по гладкому металлу, присмотрелся к донцу. Придаться оказалось не к чему, дело свое седой оружейник знал. В ящике насчиталось двадцать снаряженных «самоделок», осталось только определиться с ценой.

В рюкзаке, во внутреннем кармане, лежало несколько интересных вещей, которые Азамат рассчитывал обменять именно на боеприпасы. Посмотрел на дело рук Палыча, и невольно закралось сомнение: а сговорится ли? Кустарно, да, но ведь и перезаряжать можно, и куда надежнее хоть пластиковых, хоть картонных. С патронами-то беда, где их отыщешь много?

Покопавшись в заветном хранилище, таскаемом за спиной, он решился. Палыч, посасывая трубку, хитро прищурился, явно прикидывая размеры торга. И то верно, будь у Азамата самая ходовая валюта – автоматные «патрики», не стал бы рыться внутри потрепанного мешка, достал бы мага-

зин, поторговался и отсчитал сколько надо. Стало быть, как ни крути, придется сейчас искать компромисс.

Уж чего только не довелось видеть коренному жителю бывшего города, инженеру по образованию, капитану по званию и мастеру-оружейнику по призванию за последнюю двадцатку лет! И поросят за ремонт куцега АКСУ, и связку дорогих и вроде как даром ненужных браслетов золота чистейшей 585-ой пробы, и... Да даже попытку всучить тощую замухрышку невнятного возраста с непонятными болячками за найденный и любовно восстановленный «Печенег».

Поросята прижились, дали потомство, даром что половина сожрала своих же собратьев. Золото Палыч тоже взял, уже зная о дантисте, перебравшемся в Чишмы. Ну а девчонка, отмытая и отстиранная с мылом, щелоком и порошком от педикулеза, стала ему и старухе и помощницей, и внучкой. Но сейчас, спустя двадцать лет с Войны, Азамат смог удивить Палыча.

На стол, зашуршав тонким пергаментом пакета, легла большая квадратная коробка. Азамат достал ее, аккуратно поставил перед Палычем. Тот странно кхекнул, дернул шейю и, явно не веря, пальцами погладил серо-голубую крышку, провел по почти стертой, но все еще видимой надписи.

– Нестеров?... – голос деда даже дрогнул. – Чать, смеешься, нет там ничего.

Азамат улыбнулся, открыл коробку. Палыч вздохнул, выдохнул, затянулся своим ядреным самосадам и закашлялся.

– Ну, так это ж... и идут, да? И даже механические. Дык, мил человек, откуда ж если чего, запчасти-то на них, а?

Пуля вздохнул и положил рядом еще мешочек, мягко звякнувший содержимым.

– Не... ну если так-то, то чего уж, оно конечно... – дед все же достал блеснувшие в свете лампы металлом браслета и корпуса кажущиеся новехонькими часы «Нестеров». – От ведь, гребаные микитки, ты ж посмотри, это ж...

Азамат отошел, оставив мастера один на один со свалившимся счастьем в виде работающих часов и памяти о минувшем прошлом. В мешке оставались еще две заветные коробки, в свое время найденные в сейфе. Один раз найденные хронометры компенсировали все потраченное время и силы, ушедшие на переноску и его вскрытие, сейчас история явно повторялась.

Нужное и дополнительное устройство, так необходимое для охоты на навью, у Палыча имелось. Осталось только решить – хватит ли деду, явно не простофиле, одних часов и запасных частей к ним, или придется торговаться дальше.

Обернувшись, Азамат натолкнулся на хитрый взгляд умных глаз за стеклами очков.

– Что-то еще жалаете, голуба моя?!

Солнце старательно пробивалось через низкую и плотную хмарь, затянувшую небо. Плотный белесый туман, густой, как хорошая сметана, неохотно расступался перед идущими

ми людьми. Коней вели позади, аккуратно обмотав копыта всякой ветошью. День днем, ночные ночными, а осторожность никто не отменял. Азамату не хотелось столкнуться с проснувшимися из-за стука по поверхности и злыми нелюдьми раньше времени. Если, конечно, слуг навьи можно было назвать именно нелюдь.

Сам Пуля, Ильяс, двое его одинаковых спутников и еще тройка местных охотников – вот и все. А, и кот, само собой, этот друга никогда не отпускал одного. Шли тихо, мягко наступая на землю. Охотники косились на Азамата, и было с чего: не каждый пасмурный день рядом с тобой совершенно спокойно идет человек в кожаных летных очках с зеркальными стеклами. Но на их удивление Пуля плевать хотел. Ильяс причину знал, телохранители, как и до этого, игнорировали. А Саблезубу так вообще без разницы.

В берлогах любого хищника, что мутанта, что обычного (хотя остались ли такие?) медведя, темно. Не глаз выколи, но и вряд ли что увидишь сразу. Особенно со света, пусть на улице и хмарь, и солнца днем с огнем не отыщешь. Стоит ли, сунувшись к навье практически под землю, потеряться в черном провале логова, стать слепышом? Азамату такого не хотелось.

Проснувшись и умывшись, сразу же достал из мешка кожаную укладку, сложенную вдвое и стянутую шнуром. Современный мир просто так не ничего не давал, учил долго и вдумчиво. Если Всевышний послал испытания, так и прой-

ти их следует достойно, и не надеясь только на его, Всевышнего, помощь. Аллах милосерден, Яхве, если верить православным батюшкам, тоже, Иса так вообще был милосерднее некуда. Но есть ли им сейчас дело до относительно сильного Азамата? Когда вокруг хватает тех, кто куда слабее и кто куда как больше нуждается в их помощи? То-то и оно. А раз так, то не следует отвлекать Всевышнего на помощь тому, кто и сам способен помочь себе.

Несколько капель, раз-два-три, в каждый глаз, зажмуриться, скрипнуть зубами от едкого и расползающегося под веками огня. На ощупь дотянуться до гладкой, вытертой от нескольких лет носки маски с очками, нацепить и крепко прихватить на затылке застежкой. Вот... теперь можно и открыть глаза, да и драло уже не так сильно. Ну, а рассказывать всем и каждому о вредном излучении солнца, насквозь проходящего атмосферу, лишенную озона, Азамату было несподручно. Темных очков на всех не напасешься.

Сухостой трещал под ногами. Азамат пока не ругался, до входа в пещерку, прячущуюся под берегом, оставалось довольно времени.

– Слушай... – Ильяс, жующий щепку с самого выхода, догнал его. – Скажи, оно тебе зачем?

А, проняло. Азамат посмотрел на него, видя свой ответ в его глазах: человек, если он человек, от самого себя не убежит. Да, мир вокруг против людей, пусть и по их собственной вине. Но оскотиниться, наплевать на слабых ради дру-

гих... Этот мужчина не смог до сих пор.

– Я... – Азамат приостановился. – Мне очень хочется вернуться в этот мир немного добра.

– Да? – Ильяс усмехнулся. – У тебя татуировка на предплечье, группа крови и характерный такой череп. Там, где ты ее себе сделал, вас учили делать добро?

– Нет. Хотя мы его делали для других.

– Ну да. – Ильяс сплюнул, треснула сломанная щепка, хрустнула, наконец-то, в его пальцах. – Добро победит зло, да? Найди всех злых людей и убей, потом возьми их женщин, изнасилуй и тоже убей. Добро обязательно победит зло.

Азамат не ответил. С погибшим Мишкой они служили в особых частях, рассусоливать и заниматься гуманизмом там не принято. Оправдываться ему не хотелось. Пришло его время, и Пуля ушел – стал сталкером, контрабандистом и охотником. Охотником на мутантов. И, даже убивая за деньги, старался думать о правильном выборе. И о добре.

О добре для родителей трех оставшихся детишек в сельце Буздяк. То добро он принес им в ящике из-под овощей. Подобрал там же, где убил трех упырей, свивших гнездо на бывшей оптовой базе, куда детишки повадились бегать и искать всякие мелочи. Головы мутантов выглядели ужасно, воняли еще хуже, но стали добром – людям не пришлось уходить в другое место.

Дорога, что выбрал Азамат, с добром пересекалась, пусть и по-своему. Со своей надеждой на что-то хорошее, на что-

то... вроде бы и потерянное, но бывшее рядом. Обидно только, что большую часть добрых дел, идя по своему пути, ему приходилось делать с помощью стали.

Всякое добро попадалось ему на пути. И сейчас следовало совершить еще одно хорошее дело, в память о друге и для примера жителям села Чишмы. Азамат шикнул на спутников – шуметь стало опасно, старица уже показалась вдалеке.

* * *

Оренбуржье, бывш. Донгузский полигон, Орден Возрождения (координаты засекречены), 2033 г. от РХ

Инга поправила ремень планшетки. Прикрикнула на двух замешкавшихся техников, приставленных к одной из «Выдр». Времени ей и отряду еще хватало, но следовало торопиться. Выход отряда она сама и назначила на эту ночь – в темноте следовало пройти по хорошо изученным окрестностям и пройти как можно дальше. Выжимать из машин следовало все возможное, но не сейчас. Подвести Мастера Инге не хотелось.

Подземный ангар, освещенный еле-еле на одну четверть, наполнялся шумом и лязгом металла. Кроме дежурных бригад, в нем сейчас находилось в два раза больше вспомогательных. Командиры техников ворчали, но и не думали перечь Войновской – себе дороже.

Мастер сказал: «Возьми все необходимое». Пока никто из совета Ордена не скажет ни слова против. Но... Инга вполне понимала, уходя в такой дальний рейд, что Мастер останется практически один. После гибели Андрея Ливнева и его отряда полгода назад, верных людей у Мастера оставалось очень мало. И не только людей. Всего, столь необходимого для продолжения идей Ордена, больше не становилось.

Что помогло Мастеру создать Орден сразу же после Войны? Только ли появившиеся возможности? Нет, Инга знала это совершенно точно, не будь Донгузский полигон тем, чем являлся... ничего бы и не вышло.

Жужжа электродвигателем, постукивая загруженными емкостями и шелестя протертыми покрывками, мимо проехала грузовая платформа. Круглые пластиковые цистерны, под завязку заполненные горючим, со склада выкатили сразу же. Дополнительный запас топлива придется тащить с собой, хотя Инга этому не радовалась. Соляр, конечно, сам по себе не загорится, если в него не попадет неслучайная зажигательная пуля, но...

Хотя в готовящейся экспедиции «но» хватало. С самого ее начала.

– Пятнадцатый! – Инга повернулась в сторону одного из своих бойцов. Номера на левом наплечнике она не видела, незачем. Людей, входивших в собственный отряд, Войновская различила бы и ночью, и без ПНВ. – Ты видел Илью Серого?

– Нет, майор! – Пятнадцатый замер.

– Ты чем сейчас занят?

– Экипировкой, майор.

– Сейчас же иди в правое крыло, в координационный отдел, узнай, где сейчас Илья, найди его и пригласи ко мне. Разрешаю выполнять.

– Есть.

Боец развернулся и немедленно отправился в указанную сторону. Один из техников, тощий и длинный парняга в синем комбинезоне, только покачал головой. Войновская дернула щекой, отворачиваясь. Раздолбайство «мазуты» многим в Ордене казалось нормальным и даже неискоренимым, но не ей.

Инга прошла вперед, остановившись у «Выдр». Взвод, идущий на колесных вездеходах, облепил машины, как муравьи. Разведка, подбираемая ею постоянно вновь взамен погибавших бойцов, работала слаженно.

– Девятый, закрепи трос лучше! – сержант, Тридцатый, практически не повышал голоса. Не требовалось, выполнять приказы командиров в отряде Войновской приучали сразу. – Двадцать седьмой, поправь ящики с патронами по левому борту, притяни надежнее. Майор?!

Инга остановилась. Оглядела одного из своих самых старых бойцов, оставшись довольной увиденным.

– Продолжайте. Паек уже доставили?

– Так точно. Жду выстрелы к гранатометам.

– Я потороплю оружейников.

Войновская пошла дальше. Техники, проверяющие станции на машинах, косились ей вслед. Да-да, Инга вполне понимала ход мыслей синекомбинезонных: ее жесткость с подчиненными, требовательность и прагматичность многих из них пугают. Это Войновская знала прекрасно.

Историю о бывшем Пятнадцатом, на которого Инга потратила один патрон, распространилась среди Ордена мгновенно. Хотя ей на это было наплевать, боец умер бы чуть позже, даже успеет отряд добраться до базы – не спасти от заражения, вызванного укусами огромной стаи мутировавших насекомых, напавших на бойца. И от ожогов четверти поверхности кожи, случившихся из-за отражения атаки этих слепней с помощью огнеметов, тоже.

Инга принялась. Несло паленой резиной из-за спин техников, группкой окруживших одну из радиостанций. Профилактический ремонт, что поделать, лучше здесь и сейчас, чем потом. Когда погиб Пятнадцатый, воняло намного сильнее: и резиной от комплекта ОЗК и противогаза, и шерстью сукна куртки, и паленой плотью. Да-да, запахок в тот день стоял еще тот.

– Майор! – голос донесся сверху. Инга повернулась в сторону «Тайфуна», вставшего под заливку топливных баков. – Сейчас я спущусь.

Даже при приземлении он не издал ни одного лишнего звука, несмотря на вес около полутора центнера и росте в

метр девяносто, а то и больше.

– Шатун. – Инга пожала протянутую руку. На удивление, один из самых опасных одиночных оперативников Ордена не обладал кистью титанических размеров. Скорее, наоборот, ладонь у Шатуна отличалась скромными размерами и мягкой кожей. Кроме габаритов, страшного в нем не было ничего: мягкое и доброе лицо, с морщинами от привычной улыбки. Ну, шрамы, так у кого их сейчас нет? Но из всех одиночек, постоянно уходящих в дальние рейды, именно его Войновская была не очень рада видеть. – Довольна сотрудничеством.

– Я тоже, майор. – Шатун кивнул. Из рейда он вернулся давно и явно заскучал. Борода, сбритая сразу по возвращении, уже успела отрасти. – Введешь в курс дела?

– Несомненно. – Инга покосилась на новые серебристые клепки широкого ремня. – Кого взял на этот раз?

– О-о-о, милая, рад, что заметила. Вот, смотри! – палец с аккуратным и ухоженным ногтем ткнул в первую из пяти бляшек. – Марат из Сорочинска, редкая тварь, проныра и обманщик, о прошлом месяце подкинул нашему резиденту инфу про поставки шкур со стороны Орска. Ну, якобы там коров смогли превратить в пользу для окружающих, слышала?

– Да. – Инга пожала плечами. – Диких буренок наловили, дождалась потомства и стали потомство растить. До четырех месяцев, а потом на забой. Так у тебя у самого же есть куртка

новая?

– Верно, майор. – Шатун расплылся в улыбке. Учитывая шрам, идущий от шеи и до переносицы, выглядело это не особо красиво. – Только этот поганец решил всех перехитрить. Ему тогда оружие нужно было, так он и прикинулся валенком, слил, что, мол, там содружество фермеров, коллективное. Прямо, етишкин свет, колхоз, во-во! Не, майор, ты представляешь, колхоз, ахахах!

Шатун довольно захохотал, наплевав на привычно недоумевающий взгляд Войновской. С юмором у него всегда выходило швах... Но Инга терпела. Пользу Шатун приносил неимоверную, порой находя нужное место или человечка где угодно.

– А на самом деле? – прервать хохочущего Шатуна можно было лишь одним способом, а именно: попросить рассказывать дальше.

– На самом деле... и-хи-и... – здоровяк вытер выступившие слезы. – Так там целая группировка, какие-то выжившие военные, лесники, менты, куча всякого отребья. И все окучивают этих самых фермеров, представляешь?

– И?!

– Так наш резидент, не будь дураком, все проверил и...

Что случилось с каким-то там неизвестным Маратом, пытавшимся обмануть Орден, Инга могла представить. Как Шатун разбирался с подобными «обманщиками», Войновская видела. Лучше бы он умел разбираться в запутанных де-

лах. Осторожное покашливание за спиной дало ей возможность извиниться перед ним и прервать только-только начавшуюся историю.

– Да?

Старший техник вытянулся в струнку.

– Госпожа майор, возникли некоторые проблемы с танком.

Инга нахмурилась. Когда темные брови выгибались изогнутыми молниями над голубоватыми льдинками глаз, многим хотелось спрятаться куда подальше.

– Что?

Казалось бы, такой простой вопрос... «что». В нем нет даже толики угрозы, скрывающейся в «кто виноват» или «кто ответственный», но старший техник испугался. Нет, у него вовсе не затряслись колени, не задрожали пальцы на руках ладоней, прижатых в уставном порядке к бедрам, не задержались губы, и даже не напал нервный тик. Но страх пожилого человека с седоватыми, какими-то крысиными усиками, наполнял воздух в радиусе не меньшем, чем два метра.

– Турбина, эм, да. Госпожа майор, возникли некоторые вопросы, связанные с работой турбины в максимальном режиме, эм...

– Отставить бляение! – Войновская дернула подбородком. – За мной. Шатун, извини.

Старший техник послушно двинулся следом. Куда идти, майору показывать не требовалось. Главный козырь всей

операции хорошо виднелся в самом дальнем углу, подсвеченный сразу несколькими мощными прожекторами. Черными массивными силуэтами стояли несколько штурмовиков из основной группы отряда, которых майор выставила, несмотря на самую глупость подобной охраны. Проникнуть в самую сердцевину Ордена? Кто мог бы совершить такое? Но Инга, взвесив все «за» и «против», решила поступить по-своему.

– Что именно не так в работе турбины?

– Ну, эм... – техник старался поспевать за широким шагом майора. Получалось не очень хорошо. – На высоких оборотах слышны совсем незаметные звуки, как бы, эм...

– Сколько времени необходимо на выяснение причины и ее устранение?

– Эм...

Инга резко остановилась, развернувшись. Техник, едва не налетев на нее, испуганно вытаращился. Момент, когда АПС покинул кобуру и прижался прямо в центр его лба, он упустил.

– Пять часов. Я понятно излагаю ход своих мыслей?

– Так точно, госпожа майор! – глаза, и без того вытаращенные, выпучились еще больше. Страх перестал ощущаться только вымышленной электризацией воздуха, страх обрел четко ощутимый запах. Пахло неприятно.

– Выполнять!

– Так точно!

Инга хмыкнула, глядя на галоп припустившего к танку технаря. Просто самостоятельно найти, понять и устранить проблему, доложив о принятых мерах, многие так и не научились. Даже здесь и сейчас.

– Нам точно нужен танк? – Шатун потер подбородок. – А?

– Артиллерия у вероятного противника? Те ползучие твари, как их... тихоходки? – Войновская смотрела на засуетившихся техников. – И не только.

– Майор! – Пятнадцатый выполнил задание быстро, и обратившийся к ней высокий мужчина в свободном маскировочном халате, подтверждал это яснее ясного. – Вы меня искали?

Цепкий взгляд темных глаз. Жесткие и не улыбочивые губы. Всегда гладко выбритое лицо с еле заметными морщинами. Черное горло свитера, туго обтягивающее сильную шею. Ежик чуть седых волос. Илья Серый, паладин Ордена, мастер выживания, тот, кого указал Мастер, одна из немногих серьезных проблем для Войновской.

– Илья.

– Наш выход не сейчас, для чего я вам так срочно потребовался?

Войновская мысленно досчитала до десяти. Ссориться с Серым ей просто опасно, но вот решать вопрос о его подчинении стоило прямо сейчас.

– Совещание, Илья.

– А, ясно...

Илья Серый не нравился Инге. Майор Войновская не нравилась паладину.

– Что именно ясно?

– Что совещание. – Илья почесал мочку уха. – Прямо здесь?

– Пока нет. – Инга стукнула стеклом по голенищу. – У нас уже есть проблемы.

– Куда без них... – Илья пожал плечами. – Нет проблем, так считай, что умер.

– Проблема с танком.

– Ну, так уж с ним проблема-то всегда... – Серый хохотнул. – Да брось, майор, все же решится. Ну, пойдем в ту сторону, что ли. А то я как увидел нашего старшего техника, как он от тебя убегал, даже перепугался. Думал, ты старика так и шлепнешь на месте.

Войновская не ответила. Их с Серым взаимная нелюбовь проявлялась во всем. Отвечать на его подколки было глупо и непрактично.

Серый шел рядом и молчал. Это ее полностью устраивало – послушаться его в экспедиции только предстояло. А пока Инга старалась заметить любую оплошность вокруг, вполне ожидаемую. Но... вроде бы все шло как надо.

Ордену досталось многое. Орден взял все, что смог. Орден хотел еще больше.

В ангаре, по которому шла Войновская, хватало техники. Особая гордость Ордена, боевая техника на ходу, стоявшая

когда-то на консервации, удерживаемая в рабочем состоянии с самой Войны или даже созданная вновь. Похвастаться несколькими готовыми к походу «Выдрами» и «Тайфунами»... Многие ли могли сейчас такое?

Не говоря уж о «Разрушителе». Инга остановилась рядом с металлической громадой, в очередной раз невольно залюбовавшись.

– Да уж... – Серый остановился рядом. – В первый раз мне не хочется спорить с тобой, майор. Нам он наверняка потребуется. Да и просто красиво, прямо мальчишеская мечта.

* * *

Самарская обл., крепость Кинель (координаты: 53°14'00" с. ш., 50°37'00" в. д.), 2033 г. от РХ

– Дарья, значит... – Морхольд хлебал наваристый бульон с лохмотьями капусты, картошки и какой-то травы. От мятой алюминиевой плошки густо парило сытным запахом. – Ясно.

Девушка кивнула, замороженно глядя на мерно поднимающуюся идвигающуюся назад ложку. Морхольд покосился на нее, зачмокал еще вкуснее. Отломил горбушку от буханки, лежащей на столе, понюхал. Хлеб на хмелю, драгоценнейшая штука, в Кинеле стоила пяток патронов, но отказать себе в таком счастье сталкер не смог.

Спору нет, обходиться без хлеба давненько стало не про-

сто привычно, а... обыденно. Ну, нет его, так нет. Нет горячего, с пылу с жару, съедим стародавние галеты из запасов Госрезерва. Пахнут плесенью? Ой, какие мы нежные, не хочешь, не ешь. Нет галет? Найдем сухари. Хотя сухари Морхольд жаловал не особо. Если с чаем из запаренного шиповника, да хоть размоченные в воде, так еще ничего, сойдет.

Причина нелюбви, вот незадача, была самая простецкая – зубы. Стоматологов и дантистов в Кинеле немало, но методам их Морхольд доверял не особо. Особенно зная о сроках действия анальгетиков, что сам таскал и продавал то в «Белый клык» Фимы Яцеховского, то в «Small Dent» Зазы Цицишвили. Терпеть боль, сидя в кресле и раззявив рот, Морхольду не нравилось. Мосты, поставленные хрупкой и милой Ириной Петровной прямо перед самой Войной, пока держались. Но будить лихо, пока оно тихо, не следовало.

А у девчонки-то, пригляделся Морхольд, прямо чистая металлокерамика. Ровные, белые, молочно-матовые... хотя нет. На верхнем правом клыке даже при плохом освещении забегаловки-«рыгаловки» хорошо заметен скол. Но ей-то, скорее всего, сейчас на это глубоко наплевать. Вон как взглядом провожает каждую ложку. Морхольд вздохнул.

– Эй, человек!

Человек, юркий и смазливый, с завидным чубом, возник тут же, перебросил полотенце через руку и весь выгнулся, показывая свое полнейшее внимание к такому уважаемому гостю, как сталкер Морхольд.

– Так, мил друг, – Морхольд усмехнулся, – давай-ка сообрази девушке супчику, да с потрошками, эге? И чего-нибудь еще, основательнее. Мяско есть, с овощами? Свининка с грибами? От, умничка, давай, неси.

Он повернулся к Дарье.

– Совсем на мели?

– Да. – Даша поежилась, плотнее запахнув куртку. В «рыгаловке» стояла духота, от двух раскалившихся печек шел жар, а она куталась в одежду... – Последние несколько дней совсем.

– Так. – Морхольд дохлебал свой суп. Отодвинул, сыто рыгнув, откинулся на спинку стула. Стул жалобно скрипнул. – Ты сейчас давай, ешь, а я пока буду спрашивать. Не против?

Дарья помотала головой, уставившись на плавно плывущего официанта, бережно несущего на обшарпанном подносе тарелку с похлебкой.

– Вот-с, как заказывали! – ласково протянул чубатый, осторожно ставя на стол поднос. – Расстарался, не просто супчик, а с потрошками, с гущей.

Дарья сглотнула, робко потянув из кармана помутневшую мельхиоровую ложку. Варевое парило, било в голодный нос запахами разваренного до мельчайших волокон мяса, требухи, взвеси из еще молодой картошки, чеснока и еще чего-то. Морхольд пододвинул к ней оставшийся хлеб.

– Давай, рубай, – и повернулся к официанту. Тот, чертя-

ка въедливый, уже уплывая в сторону кухни, тут же развернулся на каблуках справных невысоких сапожек. – С мясом не торопись, пусть прожарят как следует. Гельминтов еще не хватало у вас подцепить.

Официант всплеснул руками, поцокав языком и всем видом показав свое огорчение от такого предположения: мол, как так, с чего бы, да и просто ах! Морхольд только хрюкнул и достал кисет с табаком – уж во что-во что, а в отсутствие глистов в местной свинине он не верил.

Дарья, стараясь не торопиться, глотала обжигающий суп. Сдерживаться сил уже не было, и ложка начала ударять по бортику плошки все быстрее. Сталкер вздохнул, глядя на нее, и занялся набивкой трубки. Желтоватые пальцы быстро и уверенно делали необходимое.

Табачок он прикупил еще вчера, зайдя по дороге к гостинице в знакомую лавку. Жителям Кинеля повезло с самого начала великой Срани, последовавшей за Войной: прямо под боком, всего в паре километров, жил да был себе целый сельскохозяйственный институт. Да не просто с наглядными пособиями, а со своими учебными делянками, садами с огородами, коровниками, свинарниками и курятниками, полями и прочими сокровищам аграрного назначения. Даже если жители Усть-Кинельского, где и находился «сельхознавоз», захотели бы возмутиться, то вряд ли что из этого вышло бы – силы явно выходили неравными.

Так вот и вышло, что сейчас Морхольд мог набивать свою

старенькую подружку, темно-вишневую, привезенную ажно из самой Шотландии, если верить бумажонке, лежавшей в найденной коробке. И набивать не сушеными березовыми или кленовыми листьями напополам с полынью или еще какой-то травой-лебедой, не-не. Благодаря давнему умному ходу первых жителей крепости на железной дороге сталкер мог в полной мере насладиться самым настоящим душистым табаком.

Сидящие рядом, за соседним столом, крепкие ребята-«челноки» покосились на него неодобрительно. Морхольд выпятил подбородок с короткой бородкой и поиграл желваками. «Челноки» покосились еще несколько раз и вернулись к распиванию чего-то явно хмельного, судя по запаху и мутному цвету – браге.

– Ты ешь давай, ешь... – Дарья кивнула и застучала ложкой еще сильнее. – Так, милая моя, мы с тобой, несомненно, познакомились. Только вот очень многое так и не прояснили. Так?

– Угу, я... – Девушка попыталась одновременно проглотить и ответить. Получилось неприглядно, Дарья закашлялась.

– Тебя никогда не учили что перебивать старших не очень хорошо, э? – сталкер усмехнулся. – Да и помереть же так можно. Вот только представь, взяла такая, решила потрындеть, и подавилась... ну, скажем, незамеченным хрящиком. Фу, мерзость-то какая, хрящом какой-то неведомой крысы

взять и подавиться. И никого вокруг нет, кто смог бы помочь, к примеру, трахеотомию сделать, ай-ай. И некрасиво так кони двинуть, и глупо, а?

Дарья заглянула в собственную, практически пустую, плоску. Ложкой поковырялась в гуще, явно оставленной напоследок, большущие глаза моргнули, недоуменно и обиженно уставившись на мужчину.

– Почему крысы?

– Полагаешь, куренок? – Морхольд подвинул плоску к себе, принялся. – Да черт его знает. Ты и порося своего, с шампиньонами, что вон уже несут, проверь. Мало ли, вдруг он не так давно гавкал?

Официант, поменявший тарелки, неодобрительно покосился на него и даже набрал воздуха, явно собираясь ответить. Морхольд незаметно подмигнул, разом заставив прощельгу успокоиться. Девушка вздохнула, глядя на бурые кусочки тушеного мяса, плавающие в густой и горячей слизи подливы. Потом снова подняла глаза, серые, с искрами бирюзы, на сталкера.

– А? – Морхольд чиркнул толстой спичкой об молнию куртки. Зачмокал, раскуривая трубку. – Что-то хотела спросить?

– Что такое шампиньоны?

– М-да... – Морхольд откинул полу куртки и, со стуком и легким лязгом, бросил на стол свой тесак. «Челнок», все-таки было вставший, как ни странно, тут же сел. – Грибы

такие, вроде как даже и вкусные.

– Почему вроде? – Дарья улыбнулась, решившись съесть первую ложку жаркого.

– Да не ел никогда. Отравился в детстве, теперь на дух не переношу. Еле сижу вот, глядя, как ты их трескаешь.

Дарья кивнула и замолчала.

– Правильно. – Морхольд благодарно кивнул официанту, незаметно принесшему две кружки с потрескавшейся эмалью. – Травничка попей, не чай, конечно, но уж что есть. Ты прачкой, что ли, работала?

Дарья снова поперхнулась.

– Надо же. – Морхольд глубоко затянулся, окутавшись дымом. – Как мне в голову залезать, так все хорошо, а кому другому, так ни-ни просто. Про Шерлока Холмса и метод дедукции, полагаю, ты не слышала? М-да, кто бы сомневался. Пальцы, девочка моя, да и все кисти, вместе с запястьями в цыпках, потрескавшиеся, морщины чуть белые. Разве что ты недели две как не работаешь, вот кожа и становится нормальной. Так?

Дарья уже привычно мотнула головой вниз и вверх. Волосы, пусть и изрядно засаленные, на миг блеснули золотом.

– Угу, – сталкер ткнул чубуком в куртку девушки. – Самая обычная штормовка, согласишься со мной? Но новая, надеванная от силы с месяц. О чем это говорит?

– О чем? – Дарья даже чуть приоткрыла рот, ловя слова сталкера.

– О чем, о чем... Работала ты не в городской прачечной, там одежду не выдают. Такие вот штормовки, характерного светлого оттенка, притащили железнодорожники, с полгода назад, откуда-то со складов в стороне Отрадного. Там еще много другого шмотья нашлось, весьма даже неплохого. Сам пару кальсон теплых сменял, помнится.

– И? – Дарья даже заерзала по скамье.

– И... – Морхольд достал из подсумка, притянутого ремнем к левому бедру, точило. Начал неторопливо точить тесак. Вокруг оглядывались, но молчали. – И, значит, становится ясно, чего ты так давно не работаешь, и почему есть хочешь, и почему такая грязная.

Он потрогал лезвие пальцем, одобрительно лизнул порез, тут же засочившийся кровью.

– Штормовки эти стоят патронов пятьдесят. Откуда они у одинокой, и, вдобавок, слегка малахольной прачки вроде тебя, а? Вот и я думаю, что ниоткуда. Да ты не ерзай, не надувай губ и не злись. Правду, девочка, порой следует принимать в любом виде. Одежонку тебе выдали после испытательного месяца в прачечной у Сашки Клеща, сына кого? Правильно, Клеща старшего, барыги и известного филантропа... в смысле, что определение «филантроп» в его случае пишется исключительно в кавычках. И...

Трубка потухла, забытая хозяином. Морхольд сплюнул и начал раскуривать. Дарья насупила брови, глядя на него. Сталкер молча смотрел на девушку, стараясь спрятать

усмешку.

Что бы там ни происходило в его голове из-за нее, но она ему чем-то нравилась. Нет, видов на нее у Морхольда не возникало, слишком уж та оказалась молода. Не то чтобы сталкер сомневался в самом себе (он справедливо полагал, что для такой замухрышки покровительство взрослого и серьезного человека окажется нужным), нет. Просто свои требования к противоположному полу пришлось сформировать за последние десять лет совершенно ясно и окончательно.

Уж точно постарше двадцати пяти и, желательно, не обремененная семьей в виде малолетних спиногрызов с очаровательными глазенками и обосранными штанишками, равно как и заложенными с самого детства «правильными» жизненными принципами. И все, что требовалось ему, приходя с рейдов по мертвым и только-только начавшим приходить в себя землям, – это самые простые радости. Чистая теплая постель, еда, порой выпить, ну и, само собой, устроенная и постоянная личная жизнь. И чтоб без последствий – лечить заболевания, подаренные богиней любви Венерой-Афродитой, сейчас выходило не только непросто, но еще и очень накладно.

А эта вот, тощенькая секильда, только что поевшая за его, Морхольда, счет? Свяжись с такой, много ли хорошего ждет? Да куда там, ну его. Вроде бы вокруг не просто все плохо, вокруг царит просто-напросто адский чад кутежа с конями и псевдо-птеродактилями, и что? А ничего, один черт, хватает

особ, желающих романтики и поклонения. Хотя (тут Морхольд и спорить не хотел) от возраста мало что зависело: хватало таких не только среди ровесниц девушки Дарьи, но и среди куда как более великовозрастных дур. Эт точно.

Хотя... ох уж эти глаза. Сталкер хмыкнул, понимая – стоит уже закончить излагать свои выводы и не разводить драматизм. А то, глядишь, от натуги еще чего с ней случиться, так гипнотизировать-то.

– Ай, ну тебя. В общем, милашка-очаровашка, все проще простого. Прачечная принадлежит Сашке, являющему собой совершенно охамевшего упыря, задаваку и мачо. Что такое мачо? Эм... Ну, как тебе объяснить. Эй, земляк!

Давешний «челнок» повернулся сразу, ничем не показывая недовольства от такой наглости.

– Я тебя знаю откуда-то, не? Лицо знакомое больно.

Торговец вздрогнул, чуть побелев.

– Не, мы не знакомы.

– Точно?

– Да-да.

– Ну, извиняй, видать, ошибся.

Дарья непонимающе уставилась на него.

– Что это было?

– Демонстрация мачизма во всей его неблаговидной красе. – Морхольд вернулся к заточке тесака.

– Ты себя считаешь этим самым... мачо?

– Упаси меня Господь Бог, Аллах милосердный, Яхве и

все реинкарнации Будды от такого. – Морхольд хмыкнул. – Если ты не обратила внимания, не так давно именно этот парень вел себя как самый главный петух в курятнике. Вот именно то поведение и есть мачизм.

– Ну-ну, – Дарья недоверчиво покрутила головой, – мне показалось, что наоборот.

– Да? – Морхольд поскреб подбородок. – Однако, незадача. Ну да и ладно. Так вот, Дарьюшка, речь-то о чем. Какие нравы у Сашки в хозяйстве, всем известно. Вроде бы как и не особо оно хорошо, что, если понравилась какая девка, так раз ее и кверху задницей-то... но так ведь? Так-так. Сашка-то, вот какое дело, столько пользы приносит городу, и папа его тоже, верно? И тут, о как, появляется в этом самом гнезде барства и самодурства девушка Даша, вся из себя милая и симпатичненькая. Сперва-то хоть галантно подкатывал?

– А? – Дарья непонимающе уставилась на него.

– Тьфу ты... подарки дарил?

– Да, – Даша отхлебнула из кружки. Кипяток, сдобренный шиповником, душицей и медом, пробрал сразу. На лбу появилась испарина, блестящая в свете коптилок и свечей. – Один раз отрез фланельки принес. Я ее отдала Лене, у нее дома двое маленьких.

– Угу... а потом, так неожиданно-негаданно, в углу зажал.

– Почему неж... неожиданно? – Дарья улыбнулась. Хищно, странновато для своего, все еще по-детски мягкого ли-

ца. – Весьма даже ожидадно.

– Молодежь... – Морхольд выбил пепел прямо в плоску. А сплюнул на пол. – Все время забываю про ваши нравы современные. И?

– Я ему вальком челюсть сломала.

– Умница девочка. И ничего умнее не придумала, как прятаться здесь же, в городе?

Даша подняла на него глаза. Бирюза пропала, уступив место серой осенней хмари.

– Я боюсь выходить за укрепления. Мне некуда идти, но и здесь оставаться нельзя. Я нашла тебя, позвала, сама не знаю, как. Здесь страшно. Очень страшно.

Морхольд не успел спросить – почему?

– Вот она! – радостно заорал кто-то от самого входа в «рыгаловку». – Говофил фе, найдем. Лекфандр Лекфеич, вон сидит шалава. Ща я ее...

Даша затравленно оглянулась. Двое невысоких и крепких ребят, довольно улыбаясь, шли к ним. В двери, закрыв просвет, появилось еще несколько человек.

– Говорил, надо подождать, сама выберется, как жрать захочет, – первый, с мелкими шрамами, явно от когтей, осклабился. Морхольд почувствовал запах гнилых зубов, поморщился. – От подстилка дешевая... нашла себе ханыгу какого-то, тварь. Эй, ты, мразота, вставай, щас мы тебя мала-мала убивать будем, за Александра Алексеевича-то.

«Шестерка», по давнишнему обычаю своих коллег, сует-

тился и доказывал собственную нужность. Сам Сашка Клещ, красиво именуемый Александром Алексеевичем, уже оказался у стола. Обычный парень, лет на семь старше Дарьи, встал за ней. Челюсть еще поддерживала плотная повязка, опухоль спала, но он еще ни разу не брился. Отросшая светлая бороденка смешно топорщилась, но вот кривившиеся губы ее хозяина как-то отбивали желание улыбаться. «Челноки», не так давно грозно косящиеся на Морхольда, замолчали, замороженно ожидая чего-то.

– Дарьюшка... – Морхольд улыбнулся. – Помнишь, что я говорил тебе про мачизм?

– Д-д-д-а... – серая хмарь в глазах совсем побелела, уступая место блеклому страху. – Помню.

– Ну, так вот, милая, вот это и есть его яркое проявление. В смысле, я говорю именно про вот этого молодого человека, все еще носящего поддерживающую повязку. К слову, моя дорогая, именно она свидетельствует о слабом ударе. А еще вальком, говоришь.

Клещ вытаращился на него. Кивнул четверке подручных, раздувая ноздри и наливаясь дурной краской.

– Сучку – ко мне в дом. А этого... уройте, нахрен.

«Челноки» зашевелились, зашоркали отодвигаемыми в сторону стульями и скамьями. Дарья, уставившись на сталкера, сжала пальцы на отворотах штормовки. Морхольд аккуратно положил трубку на стол и побарабанил пальцами по столу, совсем рядом с выложенным тесаком. «Шестер-

ки» Клеща дружно ухмыльнулись, разом двинувшись вперед. Первый, воняющий гнилью, ослабился еще шире, зашелестела цепь с грузилом. Второй, шепелявящий, щелкнул солидных размеров «выкидухой». Чуть более громкое «чпок» последовало тут же, сменившись грохотом «шестерки», от боли и неожиданности рухнувшего на пол. Начавшийся было крик, прервал сам Клещ, наступив подручному на лицо.

Морхольд не пожалел молодость, дальнейшую жизнь и все остальное, должное идти у гнилозубого «как у людей» – останется калеккой, так туда и дорога. Пороховая резь начала рассеиваться, смешиваясь с табачным дымом, пригоревшим жиром с кухни, духовитым потом от «челноков» и другими, не такими сильными запахами. Кровь из простреленного колена не хлестала тонкими сильными струйками, а ровно и спокойно просачивалась на пол. Развороченное мясо, белеющие осколки кости, брызнувшие во все стороны... И небольшой аккуратный пистолет, непривычно толстый, удобно устроившийся в левой ладони Морхольда.

– Да вы отойдите, ребят... – ствол качнулся влево, прижимая оторопевших людей к стене. – Не маячьте. Дашенька, а ну-ка, пересядь ко мне сюда.

И похлопал свободной рукой по своей скамье.

– Ты знаешь, кто я такой? – негромко спросил Сашка Клещ.

– Да. – Морхольд кивнул. – А ты меня знаешь?

– Должен?

– Не обязательно. Меня зовут Морхольд.

Лицо одного из «шестерок» явственно и страдальчески перекошило. Клещ посмотрел на него, уставился на сталкера.

– Я слышал про тебя.

– Это так радуется, юноша, просто безгранично. Так вот... – Морхольд отпил остывший сбор из кружки. – Сдается мне, господа, что сейчас вы немного ошиблись. Ну, либо поторопились.

– Это почему? – Клещ явно не хотел сдавать назад, теряя лицо. – Наше право...

– А, ну-ка, хавальник завали! – Морхольд улыбнулся. Так, что еще один из прижавшихся к стенке совсем молодых парней побелел. – Право у него... Хотя что это я, давай, проясни мне, что у тебя за право.

Клещ покосился на стул, кем-то опрокинутый.

– Садись, садись. В ногах правды нет. – Морхольд не убирал пистолет. – Давайте, юноша, вещайте. И помните о том, господа, что есть такая наука, как физиогномика.

– Чего?

– Рассказывай, ушлепок, на что ты право имеешь. В чем, так сказать, правда, брат?

Клещ дернул подбородком, аккуратно присев.

– Да не брат ты мне.

– Вот в этом месте стоило бы прибавить про черножопую гниду, но с фольклором ты явно не знаком. Ну да и ладно.

Итак?

– Она сломала мне челюсть. – Клещ насупился. Странноватый и опасный тип наверняка раздражал парня. Имеющихся же у Морхольда слухов, рассказов и просто неназванным образом услышанных сплетен хватало для понимания: Клещ опасен. Да, несомненно, папка молодого хищника поддержит сынишку всегда и во всем, но и сам отпрыск купчины наверняка мог многое. Не то сейчас время, чтобы за бабиной спиной прятаться.

– И? – Морхольд удивился. – Что дальше-то?

– Она. Мне. Сломала. Челюсть! – Клещ прищурился. «Шестерки» вернулись к нормальному цвету лиц и потихоньку отлипали от стен. Морхольд покосился на них и поиграл желваками. Те вжались обратно. Хотя, скорее всего, дело было не в садистском выражении лица сталкера, а все в том же упрямо смотрящем на них ПС.

– Давай-ка разберемся. – Морхольд вернулся к прерванному разговору. – Девушка сломала тебе челюсть, так?

– Да.

– За то, что ты ее хотел тупо отодрать, так?

– Да. – Клещ насупился, сам поиграл желваками. – И что?

– И что... Ты видел головы возле администрации? – Морхольд наклонил голову набок, кивнул девочке на свою трубку и кисет. Та неумело начала набивать чашечку, заметно волнуясь, просыпая недешевую труху. – Видел?

– Да.

– Вот ты лаконичный-то, а? Подожди-ка. Ты вон, пальцем, что ли, утрамбуй... вот-вот, именно что надо. Ага, давай сюда. Тепефф разофги спичку и дай пфикуить. Так...

Сталкер окутался дымом, прищурился.

– О чем мы с тобой там разговаривали? Точно, про головы. За эти самые доказательства моей работы мне еще и заплатили, представляешь? У меня, Саша, есть работа, даже не так, не поверишь, но у меня есть любимое дело. Страх как, понимаешь ли, люблю убивать всяких там упырей. Да и просто, прикинь, мне нравится мое хобби. Обожаю, представь себе, сгоревший порох, паленое мясо и волосы. А уж как мне по душе свежий запах напалма с утра, мм-м, сказка просто.

– И? – Клещ заметно нервничал. Глядел на сталкера, раздувающего ноздри, блестящими глазами и нервничал.

– Те ребята получили по заслугам. Причины, как сам знаешь, разные: грабежи с убийствами, нападения на караваны и путников, на территории Кинеля по окраинам. И за изнасилования тоже. Понимаешь меня, хорошо слышишь?

– Да.

– Да... – Морхольд покачал головой. Движение Дарья не успела и заметить. Тесак, только что лежавший на столешнице, метнулся вперед, рубанул, казалось, прямо по лицу Клеща. И с хрустом врубился в доски, еле заметно вибрируя в вязкой древесине. – Вот этим самым мачетом я отрубил им их поганые головы. Хотя сперва, с а-а-а-громным удовольствием отсек кое-чего другое. Повязка? Ну, тебе она все рав-

но уже не нужна.

Клещ сглотнул, провел по щеке, посмотрел на кровь, потекшую из разреза.

– Ненавижу, когда кто-то приходит девок, козел. Это моя прерогатива, ясно тебе?

– Да, – страх перед смертью, чуть коснувшейся его, мелькнул в глазах Клеща почти сразу, но сейчас виднелся особенно сильно. Лоб заблестел мелкими капельками пота, резко и неприятно запахло мочой.

– Обоссался что ли? – Морхольд погрыз чубук. – Ай, какие мы впечатлительные. Вали отсюда, упыренок, и кодлу прихвати. Это моя девка, и если надо, я тебя на куски за нее порежу. Усек?

– Усек.

– Есть претензии?

– А?!

– Что за народ тупой пошел, а?! Говорю тебе русским языком, дубина ты стоеросовая, имеешь, чего мне предъявить, или как?

– Нет, не имею. – Клещ неожиданно и сильно побледнел. – Совершенно ничего.

– Эй, жоподуи! – Морхольд повернулся к «челнокам». – Все все слышали? Молодцы. Хозяин, ты слышал? Все, Александро, Лешкин сын, катись отсюда нахер.

«Шестерки», во главе с хозяином, выкатились быстро. Напоследок сбили с ног заходящего в «рыгаловку» патрульно-

го и пару табуреток. Морхольд усмехнулся и повернулся к девушке.

– Поговорили, называется. Ты это, милая, расскажешь, как мне в голову залезала, а?

Дарья кивнула. Посмотрела на него и просто кивнула.

Глава 3

Кошмар наяву

Башкортостан, Чишмы (координаты: 54°35'38"с. ш., 55°23'42"в. д.), 2033 г. т РХ

Азамат спустился к неприметной со стороны темной выемке в холме по-над берегом. Шел очень осторожно, стараясь не задеть ничего лишнего. Говна под ногами хватало, и ладно бы, если только именно помета, веток, сухой травы и комков грязи. Как местные проглядели само место, он не понимал – под подошвами хрустели осколки костей, обломки костей и сами кости. Понятно, что далеко не все человеческие: птичьи, мелкие и полые, каких-то зверьков, более крупные, явно от животных крупнее зайца или даже местного огромного кроля.

Саблезуба пришлось приматывать веревкой к дереву, друг рвался идти с ним. Автомат он не взял, не доверяя чужому оружию, решил обойтись приобретенной у Палыча рогатиной. Да и опасно стрелять, если есть шанс на то, что дочка Мишки жива. Как ее... Леночка, да, точно. Он и видел-то ее один раз, только-только начавшую подниматься на ручках и держать головку. Маленькое и смешное существо, к своей беде покрытое легким золотистым пухом.

Так что обрез, снаряженный картечью, Азамат держал под рукой, но пользоваться им стоило в самом крайнем случае. А уж работать чем-то длинным, с острым наконечником его научили там же, где пришлось подружиться с Мишкой. Боеприпасы власти Новой Уфы сэкономили, благо хороших инструкторов по рукопашному бою удалось найти в достатке среди бывших военных Второй армии.

«Рогатина, вот такие дела», – Азамат внутренне усмехнулся. Если дело дойдет до мечей с топорами, станет еще веселее. Но пока им всем еще хватает пороха со свинцом, и, значит, люди пока сильны. Но вот именно сейчас... именно сейчас придется пустить в ход давно забытое, казалось бы, оружие.

Кто смог отковать наконечник, Палыч не сказал, лишь улыбнулся в усы, и все. Ясное дело, если где появился по-настоящему хороший кузнец, то стоит молчать. Умелые ремесленники сейчас на вес золота, за них держатся и готовы пойти на многое, лишь бы человек остался на своем месте. Но мастер явно «золотые руки» – длинное листовидное перо поблескивало острыми гранями, плавно спускаясь к перекладине у рожна. Короткое древко сделал уже сам Палыч, следуя указаниям Азамата.

С водяными мутантами и их слугами Пуля уже сталкивался два раза, и оба на берегах Белой. Тогда он еще состоял на службе. Память про первую пещеру-грот, ставшую логовом родственникам местной твари, носил с собой постоянно. Три

глубоких рваных шрама, от левого плеча идущих вниз. Тогда опасаться за чью-то жизнь не стоило, и Азамат был не один. Но в тесной подземной кишке, с низким потолком, одинаково плохо получалось делать две вещи: выживать и развиваться. Опыт запомнился, и оскепище, древко оружия, сейчас не превышало метра с небольшим.

Азамат остановился перед провалом входа. Втянул сырой воздух, ловя подозрительные запахи. Слуги навьи, люди, на свою беду попавшие в плен к мутанту, долго не жили. И вонь умирающего тела выдавала их с головой. А как еще, если жить в волглой норе, наполненной испарениями, идущими от заболоченной старицы? Не обращать внимания на раны и содранную сучьями, камнями и чем-то еще кожу и саму плоть? Водяные использовали пленников, заставляя их служить до того самого момента, когда от живого организма практически ничего не оставалось. А есть падаль... для них привычно.

Так, ну вот он и на месте. Сюрприз для навьи сейчас должен занять указанные места. И это тоже причина его одиночества – кто-то должен стоять снаружи и ждать. Даже если дело пойдет не так, как задумано, и он погибнет, навья все равно первым делом постарается удрать. Кто-то же должен ее встретить?

«Химза», новенькая, купленная на рынке в Новой Уфе, пришлась впору. Лезть к мутанту, постоянно живущему среди воды, в обычной одежде – настоящая глупость. У навьи

есть четыре щупальца с острыми шипами, ими мутант пробивает кожу, впрыскивая свой яд. Один укол, паралич, и все, ты в ее власти. Полный контроль над человеком, полное владение его разумом. Но и кроме них имелись сюрпризы: слизь, выделяемая железами, порой незаметна, она слабее концентрата, ждущего своего часа в шипах, но даже ее, смешанной с капельками воды в воздухе и на стенах, хватит, чтобы свалить одного-единственного храброго дурака, решившегося залезть в берлогу. Так что «химза» сейчас не повредит. Да, жарко, да, неудобно, но лучше выйти из норы насквозь мокрым от собственного пота, чем остаться внутри.

Очки он снял уже перед тем как войти, и глаза даже не резануло. Тучи, с самого утра обложившие небо, оказались только кстати. Респиратор плотно прилег к коже. Толстая маска из той же резины, с прозрачным пластиком, закрыла глаза. Пояс, чехол для обреза, нож сзади, топорик слева. Ничего не забыл? Азамат усмехнулся, цепляя подсумок и заранее его открывая. Мысль пришла в голову уже вечером, и вряд ли она оказалась глупой. Сырость только поможет светло-желтому порошку сделать свое дело быстрее. Маленький сюрприз для шатающихся по поверхности и пока еще живых слуг мутанта, а возможно, и для нее самой. Или для него, кто знает.

– Бисмиллахи-р-рахман-и-р-рахим... – Азамат поднял рогатину, отодвигая в сторону густой бурый ковер, закрывающий вход. И вошел.

Глаза привыкли сразу. Метнувшийся к нему темный силуэт встретил взмах левой ладони, бросившей полную горсть негашеной извести. Слуга навьи захлопал, схватился за лицо, обжигаемое сразу же начавшейся реакцией. Пуля не стал его мучать, ударил самым концом рожна, вспарывая глотку, отпуская на волю несчастного человека. Со вторым оказалось сложнее.

Известь взлетела в воздух, кажущийся ощутимо плотным и сырым. Сам Азамат, получив сразу два удара, отлетел, приложившись хребтом о влажно чавкнувшую стенку. Чтобы не кувыркнуться дальше, проехавшись по скользкой глине с сочащимися каплями, уперся концом древка назад. Существо, не так давно бывшее человеком, прыгнуло на Пулю, стараясь ударить чем-то в правой руке, – и само напоролось на выставленное жало рогатины.

Металл вошел глубоко, хрустнули ребра, безжалостно ломаемые их хозяином, старательно рвущимся к опасности. Азамат ударил ногой, чуть не проехав по хлюпающей грязи, постарался отбросить его подальше. Не успел.

Что происходило с людьми, попадающими в плен к навье, Пуля не знал. Ему довелось видеть всего лишь раз сам миг подчинения, когда откуда-то из-за спины, выстреливая живыми сучьями, распрямляясь в хлестком ударе, вперед вылетали щупальца. Когда острые темные шипы, чуть изогнутые, блестящие от светлой густой слизи пробили плотный бушлат, вошли, с жутким чмокающим звуком, в тело.

Когда человек выгнувшись совершенно невыносимым способом, невероятно изогнувшись назад, разом белея, хватал широко раскрытым ртом воздух. Что происходило потом? Он не знал.

* * *

Тогда, на бывшей лодочной станции, навья схватила Рамиля. Они шли вдоль мостков, осторожно, осматривая каждый метр. Как выдержали доски, уложенные на коричневых, покрытых пятнами грибка, трубах и швеллерах? Они не знали, они просто шли вперед, высматривая хотя бы что-то целое.

Три человека, с тремя АК-74, с полными магазинами. Самих лодок почти не осталось – железо прогнило, пластик вспучился и пошел волной, от дерева осталась только труха. Одинокий катер, наверняка дорогой, торчал самым последним, с лохмотьями серой паутины, бывшими двадцать лет назад краской или каким-то покрытием. Черная вода, покрытая мусором, листвой, ветками и стволами. На гладкой поверхности, лениво и отчасти величаво, колыхался и не тонул труп какой-то большущей птицы, вернее, крыложора. Тишина стояла мертвая, давящая и опасная. Они прошли до конца пристани, развернулись, собираясь вернуться к отряду.

Азамата отбросило в сторону, приложив по голове. Мимо

пролетел кусок доски, черный снизу, с какими-то прилипшими слизняками и разлетающимися в сторону многоножками. Одна, никак не короче большого пальца, приземлилась прямо на маску Азамата. Задрыгала лапками, побежала куда-то, по пути чуть не забравшись за воротник.

Пуля встал на колени, чувствуя горячую боль в затылке, поднял автомат. Олега, третьего в тройке, он не увидел. По воде, матово поблескивая, расплзлось пятно. Что-то, белея, всплыло из глубины, странно прозрачное, покрытое быстро сбегаящими красными потеками. В голове звенело, сдержаться Пуля не смог, особенно после рыжих кусков, выплывших из надрыва в лопнувшей кишке – морковь, потушенную с крупными кусками мяса, они ели недавно.

Стрелять и одновременно блевать ему больше не доводилось. Да и страха, хотя бы относительно равного тому, Пуля не помнил. Рамиль, оставшийся на дальнем конце мостка, пострадал больше. Обломок прошелся напарнику по лицу, содрал кожу и чуть не вскрыв артерию на шее. Заляпанный кровью, пошатывающийся, он двинулся к Азамату. Черная гладь, только успокоившаяся, взорвалась, выпустив длинное поблескивающее тело. В голове звенело, и пули ушли в пустоту, а потом водяной оказался прямо за Рамилем, и Азамат отпустил спусковую скобу. Выплюнул остатки обеда и постарался отползти в сторону приближающихся криков остальных из отряда. Рамиль не успел сделать ничего.

Взрослый водяной мутант возвышался над ним на голову,

а в Рамиле были все метр восемьдесят. Азамат не успел разглядеть что-то хорошо, лишь темную кожу и странно менявшееся тело, перетекающее крупными желваками взад и вперед. Успел заметить мелькнувшие черные плети, впившиеся другу между ребер и чуть над пахом. По две с каждой стороны. Успел услышать влажный звук, когда их концы вошли внутрь тела. Успел услышать сдавленный хрип-стон, дикий и испуганный взгляд, идущий через Азамата куда-то вдаль. И все. Мутант ушел также быстро, как и пришел. Метнувшаяся смазанным движением тень, короткий всплеск, удар по воде чем-то вроде хвоста. И все. Рамиля на мостках не оказалось.

* * *

Наконечник вошел в тело слуги еще глубже. Тот раззявил рот, вопя и плюясь красной слюной. Азамат ударил ногой еще раз, всем телом, все же оскользнувшись и растягиваясь в жиге под ногами. Глаза уже привыкли, легких отсветов от хитро сплетенных гнилушек вполне хватало. Навью он пока так и не увидел.

Грязь залепила очки, попала под респиратор, вонючей па токой протекла между губами. Азамат ударил рогатиной, ориентируясь на шевеление. Острый стальной лист тут же нащупал податливое и мягкое, вспорол и остановился, хрустнув твердым. Слуга не шевелился.

– Твою ж мать... – Азамат встал. Ощутимо горели связки

правой голени. Это плохо. Странно, но где же навья? Если ушла, то почему он не слышит сюрприза, заготовленного для нее?

Оперся на древко и шагнул вперед. Хорошо его приложил полуживой труп, до сих пор в глазах мелькают быстрые черные мушки, вот же зараза. Азамат остановился. Кольнуло дурное предчувствие, навалилось, заставляя прищуриться, оглядывая логово. Что? Что не так, ну?!

Легкий зеленоватый свет гнилушек ложился мягко, скрадывая самые темные места. Логово у навьи оказалось не таким уж и большим, но на удивление высоким. В углу, самом дальнем, чернело пятно выходного колодца. Туда эта тварь и должна была прыгнуть в самом начале. Слышал ли он всплеск? Азамат не мог вспомнить. Да и много ли услышишь в капюшоне «химзы»? Что еще? Небольшая кучка в углу – запас еды. Пятно чуть дальше – лежка. Рядом еще два. И еще одно виднелось у колодца. Еще одно. А раз так...

Пусть и высокая, но нора оставалось норой – темной пустотой под толстым слоем земли, замкнутым пространством, отражавшим любой звук. Приглушенный резиной рев, донесшийся от одной из движущихся теней, все же ударил разом, придавливая к полу. Чернота ожила, бросилась к нему, угловатая, жуткая в своей злости. Огромный кусок темноты, с торчащими в стороны странноватыми выступами, летящий к одинокому дураку стремительный снаряд, жаждущий его смерти. Третий слуга, самый сильный, и, судя по наростам

на теле, самый старый. И опасный.

Жалеть картечь не стоило. Но Азамат не успел. Обрез уже прыгнул в руку, когда сверху пришелся сильный удар. Пришлось стрелять на авось, надеясь попасть и не думая о девочке, если она была здесь, конечно. Собственную жизнь Пуле никто бы не вернул.

Грохнуло хорошо, перебив так и не прекратившийся рев. Тварь, кряжистую, с бочковатой грудью, поросшую какими-то белесыми и острыми гребнями, отшвырнуло в сторону, но лишь на чуть-чуть.

Та с места, наплевав на ранения, прыгнула снова. Прыгнула, метя точно в шею Пули, широко раззявив рот и выставив руки, сжимающие что-то острое. Пришлось сжигать и второй патрон. Слугу ударило прямо в лицо, снеся половину головы, и Азамат замер, ловя пустоту логова, замер, отодвинув капюшон с левого, не сильно оглушенного, уха. И только из-за этого услышал всплеск.

Навья ждала. Терпеливо ждала конца боя. И это одновременно и плохо, и хорошо. Хорошо, потому что теперь понятно: она все же неопытная и не очень сильная, как и ее сородичи, встреченные им раньше. А плохо то, что если не сработает сюрприз и она вернется... Азамату придется иметь дело с осатаневшей от боли и страха тварью. Быстрой, хитрой, умеющей убивать прямо с рождения.

– Чтоб тебя... – он подобрал рогатину, торопливо смахнув грязь с древка. Скользить оно не должно, одна ошибка, одно

неверное движение и все. Азамат оторвал кусок ткани от чего-то, напоминающего куртку, надетую на второго из убитых слуг. Скрутил петлей, приспособив к оскепищу и продев ее на ладонь. Шагнул вперед, на ходу решая вопрос о перезарядке. И не услышал, ощутил взрыв, пришедший через воду колодца. Саму берлогу ощутимо потряхнуло. Ясное дело, берег, а тут на тебе, гранаты рвутся.

Весь сюрприз состоял именно из них и мотка нейлоновой лески, найденной в закромах запасливого Ильяса. Его наемники, вооружившись кольями, сделали несколько растяжек там, где показал Азамат. Выход он обнаружил еще вчера, совершенно случайно, по выплывшему клоку волос с остатками кожи. Сейчас один из сюрпризов сработал. Палыч не подвел, обработав запал какой-то хитрой смолой, задержавшей воду. Вот только... какой урон нанесла одна-единственная граната РГД? В это самое время в дальнем углу кто-то всхлипнул.

Азамат вздрогнул, покосившись на звук. Успел заметить маленькую фигурку, когда колодец выпустил из себя хозяина логова. Хотя, как успел заметить и понять Азамат, все же хозяйку.

* * *

Рамяля они искали два дня. Но так и не нашли... в тот раз. Друг, переставший быть человеком, пришел сам, угодив

в засаду. Хотя засаду Мишка, бывший командиром отряда, устанавливал не на него.

Иссиня-бледный и шатающийся, покрытый илом, Рамиль вышел к костру. Двинулся, тихо и хищно к спящей фигуре, вцепился в нее, рванул на себя голову. И обиженно, недоумевающе заскулил: жертва сама рассыпалась на несколько частей, превратившись в шлем, ржавую канистру и два бревна, найденных на берегу. Связать Рамиля так и не получилось, он умер от выстрела в голову. Спуск нажал Азамат, а потом долго сидел рядом с телом.

Навью, вернее, семью навьев, они нашли позже. Имя водяным дал Сергей Саныч, самый старый в отряде, разменявший пятый десяток. Сказал, мол, водились такие твари раньше, в сказках всяких. А теперь вот наяву появились.

Четверых существ, похожих на людей лишь отдаленно, отряд смог взять, лишь потеряв восемь своих. По два бойца на каждого странного мутанта, по два друга за жизнь темного, серовато-зеленого врага. Сам Азамат остался в живых лишь благодаря чуду и Мишке, успевшему достать АПС. Девятимиллиметровые заряды для Стечкина остановили жоака, оставив его практически без головы. Но и тогда сильное тело, менявшееся на глазах, все хотело добраться до Пули, сжимающего в трясущихся руках АК, ходивший ходуном. И люди смогли увидеть метаморфозы, подаренные водяным последствиями Войны.

– Ты смотри-ка... – Саныч ткнул «дульником» РПК в бед-

ра лежащего тела. Те влажно и нехотя отлепились друг от друга, но через пару секунд вновь сомкнулись, слились практически воедино, не разомкнешь. – Вот ведь сукины сыны.

– И дочки. – Мишка смешно пошевелил своими рыжими усиками. – Это вот баба же?

– Ну, а кто еще-то? – Саныч брезгливо коснулся двух выпуклостей на груди. – Они ж тебе не тритоны какие-то, или там еще что-то такое, а люди, в своем не таком далеком прошлом. Детей вон, сразу видно, в пузе носят и рожают потом.

– А что это за клей такой? – Азамат оперся о влажную, потеющую мутной жижей стену. Ноги существа как сошлись вместе, так пока и не расходились. А лежало тело на стареньком пластиковом столе, с ножками, почти полностью утонувшими в мягком «полу» пещеры. – Хвост держать?

– Тоже мне, юный натуралист. – Саныч сплюнул и задымил «козьей ножкой». – А то не видно. Хотя... знаешь, спорт такой был, до Войны. Надевали люди на ноги один такой огромный ласт, ну, вроде хвоста, и плавали. А у этих вон, сам видишь, какие штуки по щиколоткам идут?

Азамат видел. Смотрел. Запоминал. У людей прибавилось врагов, а раз так, стоило узнать больше.

Отряд не забрал с собой тела. Разлагались водяные быстро, даже чересчур. Кое-что запомнили, Саныч даже записал и зарисовал. Командование похвалило и немного поощрило. А Азамат, потеряв товарища, возненавидел порождений Войны еще больше. И запомнил все увиденное.

«Навья» прицепилось сразу. Мутанты, обозванные Санычем, у такого крупного города, как Новая Уфа, старались не появляться, зато возле поселений поменьше их хватало. Оказалось, что это амфибии, для них родным домом стала вода, но и суша не казалась чем-то странным. Странная клейкая слизь, выделяемая в воде, намертво скрепляла ноги. Кожистые длинные лохмотья, росшие по щиколоткам и разлапистые широченные ступни, превращались в хвост. Да такой, что любо-дорого посмотреть... Если со стороны.

Когда навьи выходили на сушу, наплывы на теле, делавшие в воде его еще больше приспособленным к быстрым броскам за жертвами, разглаживались, теряли важность, ненужную на суше. Еще у них были щупальца, вернее, что-то, больше похожее на большие паучьи лапы, – самое главное оружие навьи, самая важная часть их образа жизни. Живой механизм, обеспечивающий их постоянными рабами из людей, попавших под воздействие впрыскиваемого вещества.

Все это Азамат запомнил надолго.

* * *

Когда пальцы ухватились за капсюль, по спине Пули пробежала холодная струйка. Ясное дело, что взмок он уже несколько раз и очень сильно, но сейчас пришлось ее почувствовать, как бы он ни хотел обратного, – патрон, зажатый в руке, оказался старым. Вместо твердого латунного цилиндра

Азамат ощутил под пальцами чуть ребристую пластиковую рубашку одного из своих собственных старых патронов.

Навья попалась совсем молодая. Худенькая, не успевшая нарастить сильных мышц, очень гибкая. Она вылетела из колюдца разом, темной молнией, молча. И с ходу атаковала, так же, как и любая из ее родственников. Взмыла под потолок, оттолкнувшись хвостом, выгнулась к Азамату.

Уже в полете слизь стала терять свою клейкость, превращая темный, блестящий от воды хвост в пару крепких и сильных ног. Осколки РГД прошли по левой стороне навьи, раскромсав ей бок, темнеющий кровью, но ее это не останавливало, наоборот, лишь злило, прибавляя сил.

Азамат отреагировал автоматически, нажал на спуск. Картечь, попав в верхнюю часть груди и шею, решала бой в его сторону. Если бы не одно «но»: выстрела так и не произошло.

Белея светлеющим животом, навья ударила рукой, вооруженной немалыми когтями. Азамат отбил ее обрезом, неожиданно ставшим лишь обузой, перехватил удобнее рогатину. Силы водяной не занимать, ловкости тоже, но вот опыт-то на его стороне.

Концом древка ударил за колено, дернул на себя, подсекая навью. Ударил ногой, сильно, прямо между выпуклых грудок, отбросил к стенке. Успел услышать мокрые щелчки, успел заметить метнувшиеся к нему щупальца, почувствовал удары. В грудь, практически в подмышку и в бока. Услышал

еле уловимый скрежет кости по металлу. Уставился в темные, но все же человеческие глаза водяной, даже через респиратор остро пахнувшей чем-то резким, водой и остатками недавней еды.

– Так-то, сука! – Азамат хотел бы улыбнуться ей в лицо. Картинно, глупо, но улыбнуться. – Съела, тварь?!

Жилет, кожаный, с пластинами из титана и металлической сеткой внутри, он заказал в Деме давно. Тот частенько помогал, пригодился и в этот раз. Будь на месте навьи ее более взрослый сородич – кто знает, как все могло бы обернуться. Но вышло так, как вышло: шипы не справились с металлом, остановились, не добравшись до плоти человека.

Навьи были людьми. Не так уж давно, тут Азамат сразу же согласился со всеми доводами Саныча. Разве что двадцать лет послевоенной беды, разделяющие между собой Пулю и молоденькую хищницу, для обоих превратились в миллионы лет. Миллионы лет эволюции, пронесшихся за два десятка лет мгновенной вспышкой. Но страх и у нее, и у него остался одинаковым. Азамат ударил всем весом тела, напряжением всех мышц, сгустком своей личной злобы к твари, убившей его друга и супругу, подарившую Мишке ребенка. Ударил, видя все превращения навьи, уже ставшей больше похожей на человека. На женщину. Совсем молоденькую девушку.

Молочно-белая кожа, мгновенно ставшая такой из темно-зеленоватой. Высокая маленькая грудь и красивый живот, идеально сложенное тело, тонкое, с перекатывающими-

ся мускулами. Так навьи и приманивали людей, встречая одиночек, зовя на помощь несколькими криками. И лишь потом вгоняли в тело шипы, впрыскивая несколько миллиграммов прозрачного вещества. И все. После этого человека больше не было, был лишь послушный раб, животное, выполняющее все требования хозяина.

Сейчас длинные, с несколькими суставами щупальца, так похожие на паучьи лапы, еще не обвисли вниз, безвольно и слабо. Навья стегала ими вокруг, как хлыстами, разбрасывая комья влажной глины, мох, наросты со стен. Кричала, широко раскрывая рыбий черный рот с острыми мелкими зубами. А прямо в глубокий пупок, на гладкую кожу паха, на вздувающиеся сильные мышцы бедер, брызгаясь и пенясь, текла струями темная кровь. Ее, навьи, кровь.

Азамат с силой провернул рогатину, вгоняя наконечник еще глубже, до крестовины, стараясь причинить как можно больше боли. Отошел назад, полюбовавшись на результат работы. Навья никак не хотела умирать, продолжала вопить и орать, пришипленная к стенке. Азамат покосился в угол, где недавно плакали. Глазенки Леночки, забившейся в кучу плавника и тряпья, блеснули, и он успокоился. Девочке просто стало страшно, и немудрено.

Пуля наклонил голову, смотря на красивое лицо водной хищницы – даже с чернеющей щелью между узких губ навья оставалась все такой же привлекательной. Чертов природный камуфляж, чертова жизнь после чертовой Войны. Пу-

ля не выдержал, снял респиратор, поднял маску на лоб. Раз уж маленькая девочка просидела здесь почти трое суток, так что станет с ним?

Навья прикрыла рот, следила за появившимся лицом врага, изредка издавая смешной хлюпающий звук.

– Лучше бы ты не появлялась на свет. – Пуля пошарил у пояса. В подсумке осталось еще немного извести. – Всем было бы лучше. Или хотя бы решила свить гнездо не в этом месте, чертова тупая дура.

Навья уставилась на него своими черными жемчужинами, облизнула губы быстрым языком, призывно и жадно. Азамат сплюнул, глядя на нее. Твари хотелось жить, инстинкты преобладали над остатками разума и навья, раздираемая болью в вспоротой груди, пыталась разбудить в нем обычного мужика. Гадство...

Известь, остатки, сохранившиеся на дне подсумка, густо легла ей на лицо и широкую рану. Крик навьи ушел в визг, достал до потолка, ударил по ушам. Водяная захлебывалась воплем, плакала, билась на острие рогатины, хлестала сама себя по лицу. Влажная кожа шипела, пузырилась бурой пеной, разъедаемая до кости.

Пуля наклонил голову, рассматривая дело своих рук, потянул с пояса топорик. Успела ли навья заметить отточенный металл? Азамата это не волновало.

Леночка всхлипывала, прижимаясь к плечу Азамата. Он

закутал ее в рваное пальто, найденное в одной из захоронок пещеры. Оно, конечно, отсырело, но одежды у девочки не оставалось совершенно. Особенно после того, как Пуле пришлось ловить ее, и остатки платяца, зацепившись за торчащий из стены корень, разодрались к чертям собачьим.

Зря он все-таки снял маску с респиратором. Леночке хватало сил на бег, но сейчас она просто не шевелилась. Хотя, надо думать, дело в огромной усталости, голоде и смерти, так близко увиденной малышкой. А вот Азамата шатало. Шатало сильно, несколько раз бросило на неожиданно ожившие и прыгнувшие на него стенки. Глаза резало, они слезились. Но Пуля шел вперед, прижимая к себе маленькое теплое тельце. Девочка шумно, с хрипами, дышала, шмыгала носом, гоняя взад-вперед густющие сопли.

– Тихо тихо, малая. – Пуля как можно ласковее погладил мягкий затылочек. – Все хорошо, Лена... Леночка. Все теперь будет хорошо. Я не дам тебя никому в обиду.

После темноты даже серая хмарь вместо неба резанула белым и ослепляющим. Пуля сделал несколько шагов и почти рухнул на колени.

– Ильяс! – он положил обмякшую девочку на траву, и его тут же вывернуло наизнанку. Едкая рвота забила даже носоглотку, заставила дергаться в захлебывающем кашле. Голос еле пробивался через спазмы, слабый и хриплый. – Ильяс!

Зашуршали сухие стебли. Его слышали, к нему шли. Хотелось верить в какое-никакое, а благородство.

– Ба, а вот и наш герой! – голос показался очень знакомым. Навалившаяся чернота отгоняла рассудок куда-то вглубь, но Пуля хотел вспомнить его. – И даже с таким сюрпризом.

Перед глазами остановились чьи-то сапоги. Не ботинки, как у наемников Ильяса, не крепкие и яловые сапоги, как у их хозяина, не старые, вытертые, но крепкие кирзовые еще двух сельчан. Нет.

Через слезы, бежавшие сами по себе, Азамат уставился на блестящий начищенный хром, полированное зеркало и идеально справленное голенище. Он уже понял все, но верить не хотелось.

– Сам Пуля, от же, – командир санитарной группы зачистки, Наиль Хуснутдинов, ярый борец за чистоту человеческой крови, осторожничал. Стоял подальше, явно опасаясь полудохлого Азамата. – Герой, ну-ну. Сема, принимай девчонку, только сразу не убивай, сперва надо ее в лабораторию отвезти. Вдруг для опытов сгодиться.

Пуля всхлипнул. Злость, выпущенная со смертью навьи, возвращалась. Закручивалась ледяной спиралью, заставляя тело двигаться, рваться вперед, драться. Он привстал на колени, нашарил и потянул топорик.

– Да успокой ты его уже. – Наиль сплюнул. – Ишь, еле дышит, и все равно туда же. Осназ, пят'як, своих не бросает, ну-ну...

Удар был мастерский. Не расколовший ему череп, а при-

шедшийся сильно и вскользь. Азамат хрюкнул и провалился в темноту.

* * *

Оренбургье, бывш. Донгузский полигон, Орден Возрождения (координаты засекречены), 2033 г. от РХ

– Все сделано? – Инга прошла вдоль кормы «Разрушителя». Стальная громадина тихо урчала двигателями. – Я вас спрашиваю.

– Все готово к отправке, майор, – старший техник тоскливо покосился на стек в ее руке. Майор, вышагивая вдоль танка, то и дело пощелкивала им по сапогу. – Системы работают в норме, неполадку устранили, запас хода тот, что вы нам поставили, боеприпасы загружены.

– Умница. – Войновская резко развернулась на каблуках, оказавшись с ним лицом к лицу. – Мог же раньше и сам?

Техник промолчал, виновато смотря на носки собственных ботинок. Войновская потрепала мужчину по плечу.

– Вы молодец. Сделали все необходимое для выполнения приказа. Вы же знаете, что от выполнения воли Мастера зависит наше будущее. Знаете?

– Да, майор, – в горле техника клокотало. – Конечно. Я и моя семья благодарны Ордену за возможность жить хорошо. Сделаем все возможное для него.

Инга кивнула. Бойцы ее группы уже строились, и следовало отправляться к ним. До выхода оставалось немного, и тратить время попусту не стоило. Из-за ремонта им все же придется начать путь днем, но это не страшно, для начала их провезут, и провезут немало. Жаль, что восстановленные железнодорожные пути протянулись не очень далеко, но отряд доберется до нужного места даже пешком, если того требует задача. Где дозаправиться и передохнуть – майор уже определила.

Отряд, два взвода, выстроились перед машинами – пятьдесят человек, не включая саму Ингу Войновскую. Там, за гермоворотами, их ждут враги. Число врагов куда больше, чем ее ребят, но в этих майор уверена полностью.

Штурмовики и разведка. Большая часть родилась и выросла здесь, в Ордене, за прошедшие двадцать лет. Строй ее группы никогда не был монолитным, одинаковым по высоте, к чему так стремились многие умники в Ордене. Ингу всегда смешил отбор, проводимый среди подростков двенадцати лет – старались выбрать самых высоких, самых сильных, самых...

Она никогда не говорила ничего против, не лезла в склопки между офицерами старше ее рангом, и делала так, как считала нужным. С молчаливого, а порой и даже громкого одобрения Мастера, Войновская поступала по-своему. Всегда и во всем.

Инга Войновская родилась не здесь, не на территории

бывшего Донгузского полигона со всеми его тайнами. Будущая майор приехала вместе с родителями из самого главного города страны, из ее столицы, в возрасте пяти лет. Родители не выжили в первых же ударах: отец находился на полигоне, мама поехала к бабушке с бабушкой, срочно, стараясь успеть. Майор никогда не думала о том, что могла бы отправиться с ней, если бы не обычный грипп.

Смысла в подобных мыслях Войновская не находила. Ее детство прошло в темных казематах под полигоном, среди сотен таких же испуганных детей. Вот так повлияло на ее жизнь нахождение на военном серьезном объекте. Вспышка, дрожь земли, стремительный ветер, там, на поверхности. И очень много сирот.

Мастер как-то рассказал ей о том, что перед Войной детей было мало, так казалось, во всяком случае. Для чего мало, он не говорил. Ракетные удары добавили неплохую корректировку, разом уменьшив шансы одних и задрав до небес, прокопченных и покрытых пеплом умирающей земли, других. И неожиданно оказалось, что детей вполне может хватить. Для определенных целей, конечно.

Цели у Ордена оказались самые что ни на есть приземленные: выжить, стать сильными, взять под свою руку все окрестные территории. Закон выживания всегда прост: не сожрешь сам, тебя сожрут другие.

Была ли война глобальной? Сейчас, имея допуск к переговорам того дня, к документам станций слежения, к протоко-

лам IT-отряда, она знала ответ. Да, война оказалась глобальной. Да, человечество захлебнулось в собственной кровавой отрыжке, смешавшейся с радиоактивной кислотой, сжегшей большую часть планеты. Виноваты ли были военные, должны защищать свою страну, опережая врагов? Инга знала ответ. Да, виноваты.

Виноваты все, включая ее отца. Виноваты из-за собственной лени, трусости, неумения, прикрытых в ненужное время глаз. Проблемы, из-за которых началась война, не важны, важен результат. На войне есть лишь одно правило: побеждает сильнейший. Победили ли враги? В этом Инга не была уверена. Пейзаж, открывающийся с наблюдательного поста номер десять, она запомнила на всю жизнь.

Серая голая земля. Черные остовы зданий. Закопченный бетон и кирпич. Оплавившиеся до превращения в застывшие сопки бронемшины. Стена пыли, поднимающаяся при сильном ветре. Мертвая пустыня, а не военный городок в/ч 65...

Орден исправлял ошибки своих предков. Орден создавал порядок, давал людям уверенность в будущем, готовился забрать мир назад. И уж солдат для этого необходимо в достатке.

Ее ребята... отряд Инги никогда не подбирался только по выдающимся физическим параметрам. Ей было наплевать на рост, длину рук или ног, количество развитой мускулатуры. Критерий один: полезность. Два взвода по двадцать че-

ловек, по четыре специалиста и командиры, вот и весь отряд, не считая экипажа «Разрушителя», Шатуна и Серого Ильи. И она сама.

– Первая, Второй! – командиры возникли перед ней практически сразу. Невысокий и очень крепкий Второй, высокая, чуть ниже самой Инги, Первая. – Сейчас подадут платформы. Начальный отрезок пойдем по железнодорожному пути. Загонять машины, крепить, маскировать. Топливо загружено? Боеприпасы?

– Все на месте, майор. – Второй чуть гнусавил: сломанный в спарринге нос пока еще не зажил, да и маска, закрывающая, как и остальным бойцам, лицо, звук пропускала не очень хорошо. – Мы готовы.

– Да. – Первая кивнула. – Пайки получены, дополнительный запас боеприпасов тоже.

– Очень хорошо. – Войновская покосилась на Шатуна и Илью, стоявших за строем. – Присмотрите за этими двумя. Второй?

– Да, майор?

– Мои вещи уже на месте?

– Как всегда, майор. Дежурный комплект и сам рюкзак с обвесом забрали из расположения. Оружие получил, почистил и подготовил необходимые боеприпасы.

– Спасибо. А вот и транспорт. Начинайте погрузку.

В ангар, шипя спускаемым воздухом, медленно вполз маневровый тепловоз. Платформы, семь штук, лязгая и позва-

нивая цепями, подкатывались к стоянке транспорта группы.

Орден располагал немалым подвижным составом, действующим на подконтрольной территории. В свое время Мастер приложил немало усилий для его нахождения, ремонта и компоновки, а также для восстановления хотя бы какого-то участка полотна, идущего в две стороны. Но его не хватало.

Бойцы задвигались, забегали, готовя колодки и тросы для крепления транспорта. Сами платформы пойдут к нужной точке под присмотром нескольких бронеплощадок, но тем не менее Первая уже показывала точки размещения пулеметов. Вмешиваться Войновская не стала, взводная свое дело знала туго.

Зафыркали, разворачиваясь практически на месте, маневренные «Выдры». Легкие вездеходные колесные броневики собирали из трех-четырех. И это здесь, на полигоне.

«Тайфуны», мощные бронированные машины на базе довоенных КАМАЗов, залезали на положенное место неторопливо и чинно. Гулко басили движками, чуть покачивались, но вставали надежно и куда необходимо. Рыча усиленным двигателем, неторопливо и важно, закатился «наливник». Мелкую технику, пятерку квадроциклов, загнали внутрь высоких тягачей. Ну и вполне обоснованно самую большую платформу оставили именно для «Разрушителя», подогнав ее отдельно.

– Майор Войновская! – посыльный из координационного центра вырос рядом, вытянулся. – Вас вызывают.

– Хорошо. – Инга кивнула. Спустя минуту обнаружила солдата все также стоящим на одном месте. – Что такое?

– Прямо сейчас, майор... – тот запнулся. Маска скрывала не только выражение лица. Даже интонации, проходя через нее, менялись. Но Инге показалось, что солдат то ли волнуется, то ли смущен. – Мне дали указания предупредить вас об этом.

Надо же, какие интересные дела. Майор усмехнулась. Интересно, зачем она нужна в координационном центре? И надо ли ей туда идти?

Телефон с «вертушкой» находился недалеко. Она набрала код для координаторов, дождалась ответа.

– Это Войновская. Я занята, могу принять информацию по телефону.

– Майор... – голос показался знакомым. Точно, это же Карпов, заместитель магистра. – Нам не совсем понятна поставленная вам задача, и мы хотели бы обсудить ее среди высших членов Ордена.

Войновская изумилась. Мастер, конечно, сильно сдал. Но не настолько же, чтобы эти люди так игнорировали его приказание?

«Девочка моя... – тихий шепот разом ответил на вопрос Инги о том, может ли Мастер ковыряться в ее голове. – Прости, но по-другому у меня вряд ли получится».

Инга замерла. Голос Мастера оказался таким... реальным?

– Да, я поняла. Но отходить от составленного графика не могу. Последствия? Я отвечу за них, когда вернусь. Слава Ордену, – трубка лязгнула об аппарат. Инга, понимая, что пути назад нет, прислушалась к тихому голосу, раздающемуся внутри.

«Да-да, это я. – Мастер вздохнул. – Отправляйся прямо сейчас. Мне стоит обратить внимание на наших общих друзей, пытающихся выйти из-под контроля. Что-то идет не так, и помогать я тебе не смогу. Запомни, Илья сможет почувствовать девушку издалека, но только если она не будет защищена чем-то металлическим. Я дал ему все необходимое и навел на след, что она оставляет для тех, кто понимает, Илья его возьмет. Она нужна живой, девочка моя, помни про это. Только живой».

Майор пошла к составу. Ждать чего-то, если Мастер прав, не стоило. Совет Ордена давно занимался собственными делами, не думая о цели, поставленной Мастером много лет назад. Сиюминутные желания и потребности объяснялись необходимостью и стремлением к стабильности. За последние три года Орден не присоединил к себе ни одного нового анклава людей. Инга была против подобной политики, но вслух пока еще не высказывалась.

Орден давно стал смыслом жизни. Жестокий порядок, поддерживаемый воинами, стоил любой цены.

Никаких опасных мутантов рядом с большим количеством людей. Огнем и сталью, заливая кровью созданий, не

похожих ни на что, Орден добивался положенного порядка.

Никаких банд рядом с крупными поселениями. Патронов на уничтожение двуногих стервятников не жалели... пока ловили. А потом многим разбойничкам приходилось завидовать своим погибшим товарищам. Петля, костер, кол.

Никаких компромиссов, никакой жалости. Инга всегда соглашалась с Мастером в этом. Люди слабы, подвержены искушениям, частенько не могут объяснить своих поступков. А раз так, если человек не может сам заставить себя служить одной цели, то его заставят.

Не хочешь прислушиваться к словам? Прислушаешься к выстрелам солдат или ударам палки надсмотрщика. Все очень просто: либо порядок, либо хаос. Другого выбора нет.

* * *

Самарская обл., крепость Кинель (координаты: 53°14'00"с. ш., 50°37'00"в. д.), 2033 г. от РХ

– Интересные дела. – Морхольд подошел к окошку, выглянув на улицу. Двухэтажка, куда они перебрались после визита Клеща в забегаловку, стояла рядом еще с шестью такими же. Серая улочка, темные лужи, шорох морозящего обложного дождя, несколько фигур, бредущих куда-то и зачем-то. – Очень интересные.

Дарья сидела на матрасе, тонком, продавленном и покры-

том пятнами. Пятна ее не пугали, оказавшись на поверку обычной плесенью и не застиранной до конца кровью. Смотрела на сталкера, гулявшего себе взад-вперед по комнате, лишь в сапогах и штанах.

– Да.

– Очень. – Морхольд закурил. – Слушай, вот тут потуже можно сделать?

– Конечно.

Дарья подошла и занялась тем же, что и несколько минут назад. Крепче затянула бинт, плотно обхватывающий грудь сталкера. Последнее дело далось ему не очень-то легко – несколько серьезных и глубоких порезов, содранный до мяса клочок кожи размером с хороший бифштекс. Однако тело уже почти справилось само, раны заживали. Девушка покосилась на его плечи, но промолчала.

– Итак, Дарьюшка, продолжим. – Морхольд поморщился. – Ты можешь на расстоянии общаться с некоторыми людьми, правильно понимаю?

– Не со всеми, – она вернулась на свое место. – А почему мы ушли из той гостиницы, где ты остановился? Ты же вроде не боишься Клеца?

– Не боюсь. – Морхольд пожал плечами. – Другое дело, не стоило так махать тесаком. Разозлил он меня, правда. Но на всякий случай, а он, как известно, разный бывает, стоило поменять пункт постоянной дислокации. Обратила внимание, что просто пункт, а не наш?

– Обратила. – Дарья устала сидеть на своих ногтях на правой руке. На безымянном пальце ноготь обломился, с мясом, до крови. Девушка нахмурилась. – Ты мне и так успел помочь. Спасибо тебе.

– Пожалуйста. – Морхольд вытащил из кобуры большой револьвер. Слитным движением откинул барабан, придирчиво осмотрел патроны. – Все это лирика, Дарья. Давай к делу переходить, дела-то и впрямь интересные. Или ты считаешь, что мне нечем было заниматься, кроме как тащиться в самые дожди через половину бывшего Волжского района сюда?

– Я не знаю. Совершенно не могу тебе ничего сказать по поводу твоих занятий. Да, могу общаться с некоторыми людьми, но не с тобой. А вот достучаться до тебя вышло... случайно. И когда поняла, кто ты такой, попробовала поговорить.

– Угу, – буркнул Морхольд. – Это ладно. Вопрос звучит так, милая... Чего тебе конкретно от меня надо?

Дарья устала сидеть на стенку, вздохнула, зябко повела плечами.

Морхольд смотрел на нее, посасывая чубук, выпускал дым через нос. Бок чесался, небольшие ранения начали поджигать. Это радовало, поскольку ему почему-то не верилось в ближайшие спокойные две недели. Не верилось, хоть ты тресни.

– Мне надо уйти отсюда. – Дарья посмотрела на него. Не

жалобно, нет. Взгляд у девочки казался очень решительным. Разве что сквозило в нем что-то непонятное... затравленность? – Я знаю куда, но одна дойти просто не смогу.

– М-да... – Морхольд пыхнул трубкой, почесав небритое горло. – Уже хотя бы что-то. Мне в этом какой интерес?

– Смогу заплатить.

– Заплатить...

Он присмотрелся к ней внимательнее. Заплатить. Ему, человеку, в основном промышлявшему не работой проводника. И чем? Что сможет дать ему эта не особо уж и малолетняя секильда, смешная даже из-за сильно сжатых и волевых, как наверняка кажется ей самой, губ?

Морхольд взял единственный колченогий стул, подпиравший дверь. Вряд ли Клещ и его ребята решатся сделать что-то плохое. А услышать их он услышит, если уж такая глупость придет в их головы: ступеньки, ведущие на второй этаж, скрипели не хуже левого колена у самого Морхольда. А оно щелкало и поскрипывало ой как громко.

Он сел напротив нее, положил руки поверх спинки.

– Чем ты мне сможешь заплатить, девочка? Не пойми меня неправильно, Дарьюшка, но ты мне не сможешь компенсировать даже мое вмешательство в твои дела с этим мелким пакостником, Клещом. Если ты боишься идти куда-то, то, думаю, это либо опасное, либо далекое место. Поправь меня, если я неправ.

– Далеко. Опасно, – она кивнула. – Но у меня есть кое-

что для тебя.

– Смею надеяться, красотка, что речь вовсе не о твоих слегка худосочных прелестях, эм?

– Нет. – Дарья почесала кончик носа. – Но тебе должно понравиться.

– Угу, понятно. – Морхольд прикусил чубук. Покрутил пальцами, глядя на нее. – В основном, и ты явно это поняла, ты ж девушка умная, я никого и никуда не провожаю. Надо – пошел, нашел, притащил. Или самого человека, или голову, например. Голову, конечно, тащить всяко удобнее – она не просит жрать, пить, спать или срать. По-маленькому, если уж честно, организм и на ходу сможет, само от бега высохнет и снова промокнет, и не один раз. Но порой заказчику, хоть ты убейся, надо притащить живого человека. Знаешь, в чем тут сложность, не считая естественных надобностей человека, включая непреодолимое желание удрать от меня?

– Нет. – Дарья тихонько вздохнула.

– Во внимании и времени. Следить за поганцем, за сохранностью его никчемного организма и все остальное. Голова куда удобнее, ее можно просто положить в контейнер, мешок или завернуть в любой кусок брезента. Хотя, конечно, есть и минусы – она может тупо протухнуть. И ладно, если бы дело было только в запахе, там, за Кинелем, противогаз или респиратор частенько не снимаешь вообще. Нет, товарный вид портится. Видела головы у администрации?

Дарья кивнула. Морхольду все меньше нравилось ее

невозмутимое спокойствие.

– Их я просолил. У меня в рюкзаке всегда лежит соль – полезная штука, хоть и очень дорогая, и не только в готовке. Хотя, конечно, лучше коптить. Потом немного сложно разобратся – кто есть кто, если клиентов много, но зато никаких опарышей или чего-то подобного.

Девушка кивнула.

– У меня даже собаки нет. А ведь собаки, милая Дарья, существа универсальные: мало того, что они сами могут найти, чего скушать, так они еще, хотя и не всегда, и тебе принесут, поделятся. Они молчат ровно тогда, когда необходимо, и разевают пасть именно когда нужно. Еще с ними можно поговорить. Ну как поговорить – делают вид, что слушают, такие дела.

– И что? – она уставилась на сталкера совершенно непонимающе.

– Черт... Я хожу один, всегда. Мне так нравится. Меня это устраивает. Не надо думать о ком-то, беспокоиться и переживать. Не из-за кого-то, а из-за себя, потому что при моей работе растяжение связок у напарника приведет к проблеме. Если у меня появится выбор, тащить или бросить, угадай, что я выберу?

Дарья усмехнулась. Недобро, не по-детски и не по-девичьи. Усмехнулась так, как следовало улыбаться той, которая, не дождавшись чулана и задранной на голову юбки, свернула челюсть сыну авторитета.

– Ты убьешь его. Не просто чтобы не мешал – чтобы никто не напал на твой след, не узнал про тебя. И даже не будешь тратить патрона, они же дорогие, просто прирежешь.

– А, ты мне нравишься. – Морхольд выколотил трубку. Ткнул в Дарью чубуком. – Это здоровый эгоизм, дорогуша. Очень необходимый в окружающих реалиях, и меня радует, что ты это понимаешь. Знаешь, что настораживает?

– Да. – Дарья пожала плечами. – Ну как... подозреваю, что знаю.

– Поделишься?

– Я сижу здесь, с тобой... И сама нашла тебя. Сколько там, часов пять, не меньше, мы с тобой вдвоем. Мне вполне известно, кто ты такой, иначе я не смогла бы тебя найти, даже близко не подошла бы. Когда нащупала твой след, увидела твоими глазами мир вокруг, и позвала, тогда же и начала узнавать, кто ты такой.

Морхольд усмехнулся, тоже не особо ласково, слегка оскалив желтоватые и не очень ровные зубы.

– И... а никто ничего про тебя не знает. Да, есть такой, да, вроде делает какие-то темные дела. Ну, вроде как сталкер, ходит, бродит, носит всякое там. Обещание держит. Если его обманет кто-то, обязательно накажет, жестко, и вездие будет больше причиненного вреда. Только вот хорошего никто не говорил. – То есть, дорогая, ты что-то узнала, и решила, что я тот, кто тебе нужен? Послушала сплетни, байки, сказки? Странно, если бы кто-то рассказал про меня

что-то хорошее, ничем таким я здесь не отличился. И не надо путать разговор с Клещом и хороший поступок – мне на самом деле неприятно, когда такие, как он, молодые да ранние, наглые, пользуются девочками вроде тебя.

– Я и не путаю. – Дарья подтянула ноги, уткнулась в колени подбородком. – Сложно перепутать. Очень, да уж...

Морхольд дернул щекой.

– Не услышав именно плохого, все-таки не считаешь меня злым?

– Почему? Считаю. Просто, как мне думается, будь ты таким, как тот же Клещ, так уже продал бы меня куда-то.

– Верно мыслишь. Сколько маленьких укреплений и фортов находится рядом с Кинелем, ты знаешь? Нет? Я тебе расскажу. Это существенно изменит твое мнение про сам Кинель, и, возможно, тебе окажется куда легче устроить собственную судьбу в будущем. Без всяких непонятных походов в опасные и далекие задрищенски с мухосрансками.

– Чего? – Дарья вытаращила глаза. – Куда?

– Ай... – Морхольд отмахнулся. – Рядом с крепостью Кинель, чудесное молодое дарование, находятся пять больших поселений вроде слобод, пятнадцать фортов и сколько-то там хуторков на пять-шесть семей. На самой окраине от одной такой дыры до другой, около суток пехом. Это если без происшествий, а куда без них сейчас? И там всегда готовы купить что угодно, лишь бы чуток полезным оказалось – патроны, медикаменты, пачку сохранившихся шприцев. И все

за еду, кожу, меха и много всякого другого добра.

– Зачем ты сейчас мне все это говоришь?

– Ты слушай и помалкивай. Пока во всяком случае. Раз уж ты смогла забраться мне в голову, найти и все это время ничего не рассказать, так хоть не перебивай. Я с тобой не пять, а целых шесть с половиной часов, и все никак не возьму в толк – че тебе от меня надо? Так вот, Дарья Дармовая, вот там тебе самое место. Не здесь, где Клещ, а там. А он, скорее всего, найдет, и использует Дашу по полной программе, а потом, так или эдак, продаст именно туда. Люди, милая, самый ходовой товар в той стороне – рабочие руки, расходный материал для мутантов, мешающих работать на их делянках и в крохотных палисадниках. А уж молодая девка, что сможет родить, самое малое, десять детишек... О-о-о, Дарьюшка, за тебя любой тамошний скупердьяй с радостью отвалит хоть недавно купленными у меня же патронами, хоть оружием, да хоть животиной. И не просто отвалит, а посадит несколько поросят в клетку и довезет до ближайшего форта, если нет своего транспорта. Не лучше ли тебе убраться к ним самой? У меня как раз есть куда сходить в сторону тех хуторков, поискать там кое-чего. Даже не возьму никакой платы за эскорт.

– Ты не понимаешь! – Дарья крикнула ему в лицо, вскинулась, сжав кулаки. – Нужен мне был такой умник, как ты? Ты думаешь, что я такая тупая и не знаю этого всего?

Морхольд вытер с лица слюну.

– Не знаю, тупая ты или нет, ты потратила кучу моего времени, и причина этого только в моих снах. А сейчас или рассказывай и попробуй меня заинтересовать, или проваливай к чертям собачьим.

Она успокоилась. Села, выпрямив спину, уставилась в окно. Стекло, вернее, его неровный кусок, серел сумерками. Большой кусок фанеры, закрывающий остальной проем, гудел от барабнящего дождя. Ощутимо сквозило, порой проридало острым холодом. Небольшая печурка, топящая комнату, раскалилась, но прогреть эти несчастные квадратные метры так и не смогла.

– Я пряталась в трущобах южной части города. Сидела, заматалась каким-то тряпьем по самые глаза, боялась шевельнуться. Какая-то шайка пила прямо за стенкой своей конуры, а стенки у нее тонкие такие, из жести и еще чего-то. Сидела, слушала чушь эту. Потихоньку начала засыпать. Знаешь, я когда в первый раз услышала человека, как сейчас помню, водовоза на улице, где мы жили с мамой, очень испугалась. Мама успокоила, как могла, и попросила никому не говорить. Я никому и не говорила. А тут почти сплю – и раз! Щелкнуло, вокруг сплошной кокон тишины и голос. Больной, кашляла она очень сильно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.